

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

Игры морoka

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РУССКИЙ СОНМ

Русский Сонм

Иар Эльтеррус

Игры морока

«Автор»

«Автор»

2013

Эльтеррус И.

Игры морока / И. Эльтеррус — «Автор», «Автор»,
2013 — (Русский Сонм)

Русский Сонм – одно из самых загадочных явлений во вселенной. Осколки Сонма – похожие друг на друга планеты, схожие группы языков, культуры, обычаи. И одна общая проблема: Русский Сонм кое-кому мешает, его хотят уничтожить. Почему? Что такого особенного в этих планетах... и в тех, кто на них живет? Что может случиться со вселенной, если Русский Сонм исчезнет? Мир, который называется Апрей, несет осколок Русского Сонма, но что-то пошло не так. За внешним благополучием прячется никому не ведомый темный ужас, поработивший мир сорок лет назад. Население Москвы – больше пятидесяти миллионов. Неведомая сила убивает детей. Ходят легенды о Черном человеке. В подземных коммуникациях загадочные спирит-хантеры ведут охоту на призраков. Миром овладела сила, подменившая собой демиурга и искалечившая почти все население планеты. Такова цена еще одного эксперимента Официальной Службы. Команде, состоящей из ее бывших сотрудников, предстоит разобраться в ситуации. Но что можно сделать, если правила игры установил сам неуязвимый Морок?..

© Эльтеррус И., 2013

© Автор, 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть I	7
01. Приятные неожиданности	7
02. Красный закат	15
03. Под колпаком	27
04. Аппликация на живых мозгах	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая

Игры морока

© Эльтеррус И., Белецкая Е.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Игра – вид непродуктивной деятельности, где мотив лежит не в результате ее, а в самом процессе.

БСЭ

Пролог

Тварь.

Вот ты где, тварь. Совсем немного ошибся, проскочил нужный этаж. Понастроили коробок... Коридоры, переходы и почти везде темнота. Но это как раз хорошо, и красный отсвет заката тоже хорошо, и то, что освещение пока что не включили в полутемных коридорах.

Шевелится. Разевает рот, шевелится. Слабое, беспомощное... розовое, слюнявое, маленькое... мерзость какая...

Меня не обманешь. Ты меня не обманешь, тварь. Вот этой безобидной внешностью, этими крошечными ручками, бессмысленным взглядом.

Потому что я вижу тебя совсем иначе. Совсем. О, я прекрасно вижу – и высокую трибуну, и людское море внизу, и твои руки, воздетые к небу, и вопль толпы, один стотысячный голос, рвущийся из глоток; я вижу, как поднимается этот вопль к точно такому же закату и как становятся тесными улицы, а еще я вижу...

Этих всех тоже не должно тут быть, и виноват в этом будешь ты, потому что ты приведешь их сюда, они твоей волей придут сюда, и они захотят решать, и все вы, все без исключения, решите то, что не нравится мне. Мне – так не нравится.

Я не хочу – непокорности.

Я не хочу – простора.

Я не хочу – сомнений.

Я хочу, чтобы все оставалось как оно есть.

И сейчас я заставлю тебя замолчать. Как и всех других.

...Еще один поворот, и как же хорошо, что можно так двигаться: легко, свободно, без преград и препятствий. Для меня нет дверей и запоров, для меня нет высоты, холода, страха, боли...

Самка, конечно, поднимет визг. Они всегда поднимают визг; безмозглые, тупые, они всегда вопят, они не понимают, что привели в мир; идеальным было бы убивать сразу самок, но, к сожалению, пока не появится тварь, это бесполезно, можно ошибиться, свет, их свет, слишком плохо виден. Пусть визжит, ничего. Пройдет время, и она смирится. Привыкнет. Или сдохнет. Все равно.

Комната. Светленькая милая комната – в самый раз для живой игрушки.

Не видит? Да, пока не видит. Пока я не позволю, и не увидит.

Вот теперь – уже можно.

Знай, тварь, не ты тут хозяин.

Хозяин – я.

А ты – опять опоздал.

Как и все вы, ты опоздал – лет на пятьдесят.

Еще один длинный скользкий шаг, слабый хруст... Иди прочь, бесприютная отныне душа, прочь, вон из этой хилой хрупкой оболочки.

Прочь, пока ты не натворила тут дел!

...Скольжение по теням, все дальше, все ниже – от истошного женского крика, от плача, от голосов, от металлического лязга лифтовых дверей, от запахов, от света; прочь, вниз, в темноту, ласковую и теплую; прочь, прочь, прочь...

До следующего раза – когда придет ощущение, что в уютном и ровном пространстве возникло еще одно такое чудовище... как то, что лежит сейчас в своей колыбели со сломанной шеей.

До следующего свидания...

Часть I

Красный закат Арпея

01. Приятные неожиданности

- Ну и кто есть кто? – правая Джессика прищурилась.
- Давай-давай, – поторопила левая.
- Решай скорее, – правая тряхнула волосами.
- А еще бил себя пяткой в грудь и говорил, что мигом вычислит.

Ри в замешательстве потер подбородок. Крякнул. Обошел обеих Джессик, внимательно всматриваясь. Снова потер подбородок. Решительности у него явно поубавилось, а ведь всего полчаса назад он с чувством легкого превосходства утверждал, что отличит с закрытыми глазами.

- Ри, быстрее, есть хочется, – снова поторопила левая Джессика.
- Ну... ты, – ткнул Ри пальцем в правую.
- А вот и фиг тебе, – ответила Джессика голосом Ита. – Выигрыш отдашь завтра. Натурой.
- Какой натурой? – встревожился Ри.
- Перекопаешь землю под цветы, где я скажу. – Ит вышел из метаморфозы и, не выдержав, наконец-то рассмеялся. – По-моему, получилось неплохо.
- Отлично получилось, – подтвердила настоящая Джессика. – Я на себя как в зеркало смотрела. Кстати, эта прическа мне не идет. Волосы сзади какие-то... – она сморщила нос. – В общем, буду отращивать. Ри, ты не против?
- Господи, конечно не против, о чем ты!.. Ит, ты насчет цветов пошутил, надеюсь?
- Надейся, – покивал Ит. – И не думал даже. Но можешь не переживать, втроем быстро управитесь.
- Втроем?..
- До тебя мы успели поймать Скрипача и Кира, – пояснила Джессика. – Ит, мою кофту и брюки на место положи, пожалуйста.
- Хорошо... Ребята, сделайте доброе дело, помогите Бертику, она там опять решила вытащить фарфор, расставить надо и...
- Сейчас, – Джессика встала.
- Малыш, сиди, я сам все сделаю. – Ри улыбнулся.
- Не морочь голову, – попросила Джессика.
- Я не морочу, но тебе тяжелое поднимать нельзя.
- С каких это пор фарфоровая тарелка стала чем-то тяжелым?!
- Ну мало ли...

* * *

Это замечательное обстоятельство выяснилось месяц назад.

Джессика после нескольких дней раздумий о том, что с организмом явно что-то неладно, ничего не говоря Ри, пошла к Фэбу – хорошо иметь дома собственного врача, да еще такого уровня. Обращаться к кому-то другому ей не хотелось. Честно говоря, она боялась. Сильно боялась.

Солнце взошло всего час назад, но дом был уже пуст: Скрипач, Ит и Кир полетели в Саприи, на встречу с кем-то из создаваемого сейчас Сопротивления, оба Мотылька там же пропадали уже неделю, принимали экзамены в своей эмпатической школе, а Ри с Бертой отправились еще с ночи на транспортный терминал встречать очередную группу, прибывшую на какую-то консультацию.

Фэб обнаружился в кабинете Берты, он сидел за Бертиным столом и читал – когда Джессика подошла поближе, она обнаружила, что читает он новую главу «Насмешников». Ит снова начал писать эту приключенческую ерунду? Странно. Кажется, он говорил, что больше не будет, времени нет.

– А я все ждал, когда же ты решишься. – Фэб свернул терминал и повернулся к ней.

– Так что, правда? – замирая от страха, спросила она.

– Правда. – Фэб улыбнулся. – Мне кажется, будет мальчик. Но ты все-таки проверься у Найти, хорошо?

– О господи... – Джессика почувствовала, что колени внезапно ослабели. Села в кресло рядом со столом, на несколько секунд прикрыла глаза. – Быть того не может...

– Почему? – Фэб удивленно поднял брови. – Почему у здоровой молодой женщины и здорового молодого мужчины, любящих друг друга, не может быть детей? Вполне естественное развитие событий, я считаю.

– Фэб... – Джессика наконец открыла глаза. – Столько лет... и ведь ничего не получалось! Мы и не думали про это!.. Тем более что Ри... он ведь сто раз говорил, что... – она осеклась. – Что он стерилен... и...

– Чего? – Фэб нахмурился. – Он? Откуда он взял эту чушь?

– Но ведь ни с Марией, ни со мной...

– Так. – Фэб решительно встал. – Пойдем в садик, подышим воздухом, выпьем кофе, успокоимся и нормально побеседуем, хорошо?

Джессика покорно кивнула.

– ...Многолетний стресс. Нервотрепка. Вы ведь жили десятилетиями фактически на фронте – что до Терры-ноль, что на Терре-ноль – и, видимо, как-то подсознательно влияли на этот процесс. А госпожа Мария Ральдо вообще никогда не хотела детей, единственное, что она вообще в этой жизни хотела, так это власти. И вообще про нее лучше не вспоминать. Хотя бы сейчас.

Джессика, твое подсознание понимало, что это не самая хорошая идея: растить ребенка на кластерной станции или, того хуже, бегать из одного мира в другой, подвергая его жизнь опасности. Ты согласна с этим? Вот и не получалось. А сейчас... видимо, ты ощутила безопасность и Ри ощутил, ну и вот... почему нет? Ты ведь сама этого хотела? Ну скажи, хотела?

– Фэб, конечно, хотела. – Джессика смотрела Фэбу в глаза и улыбалась. – Ри с ума сойдет от радости.

– Обязательно, – серьезно кивнул Фэб. – Так вот... Тут, на Окисте, все стало иначе, согласись. Тут – покой. Мир. Замечательный дом, море, горы, свобода. Тут действительно чудесное место, в котором очень хорошо жить. Да, Джесс, именно жить – и твое подсознание все поняло совершенно правильно. Так что можно поздравить тебя и Ри. Все будет хорошо.

– Оно и есть хорошо. – Джессика вздохнула. – Я даже не думала, что вот так... что в моей жизни это все будет.

Сейчас они сидели в маленьком садике у южной стены дома. Садик этот был предметом особой гордости Ита и Скрипача. Третий год они не покладая рук трудились, и в результате садик вышел просто загляденье. Каменную стену дома закрывал ковер вьюнка, цветущего маленькими белыми цветочками. Вдоль стены была устроена «каменная грядка», растения для которой Ит и Скрипач подбирали почти год, грядка изображала самые настоящие горы, где мох, травы и камнеломки выглядели как деревья, а еще Скрипач подвел к «горам» воду и сделал

самые настоящие речки. Горные речки. В масштабе один к ста. Дальше располагалась выложенная плоскими каменными плитами площадка (почти точно такая же была в их старом доме, а потом – в доме на Терре-ноль, неподалеку от деревни Борки). А потом начинались клумбы, цветы на которых росли самые разные. И однолетники, и многолетники, и местные, и привозные... Между клумбами стояли удобные деревянные лавочки, сделанные Итом, и на одной такой лавочке как раз и сидели сейчас Джессика и Фэб.

– Ты говоришь, что будет мальчик? – Джессика вопросительно поглядела на Фэба. – А как ты это понял?

– Собственно, я это понял месяц назад, – признался Фэб. – Фон изменился. Ну, твой фон. Но я решил, что не нужно торопиться, и...

– Мог бы раньше сказать.

– Нет, не мог. – Фэб покачал головой.

– Почему?

– Нельзя. Ты должна была понять сама. Это твоя радость. Твоя и Ри.

– А другие... как думаешь, что скажут?..

Фэб расхохотался.

– Увидишь, – пообещал он, отсмеявшись. – Вот прямо сегодня и увидишь.

* * *

Вечером, как и предположил Фэб, началось «веселое безумие». Берта, услышав новость, ахнула, расцеловала Джессику и кинулась на кухню с криком «Срочно торт!»; Скрипач подмигнул Ри, показав ему большой палец, и отправился на кухню вслед за женой – помогать; Ит, тоже обняв Джессику, шепнул ей на ухо: «Ну, мать, ты у нас молодец», зачем-то пошел на участок, прихватив Кира (потом выяснилось, они решили спланировать, где будут делать игровую площадку); Мотыльки тут же рванули наверх, на третий этаж дома – прикидывать, какая комната из пустующих лучше подойдет для детской, а Ри бродил между всеми и то и дело спрашивал – как же это получилось?

– Давай я тебе объясню. – Скрипач, которого Ри поймал этим вопросом четвертым, сделал серьезное лицо. – А то ты, видать, не знаешь, как это бывает. Так вот. Сначала люди друг в друга влюбляются. Мужчине нравится женщина, женщине мужчина. Понимаешь, да? Потом...

– Я тебя урою, – пообещал Ри.

– Меня-то за что? – удивился Скрипач. – Мы, уж прости, двоих детей вырастили. И стопроцентно знаем, откуда они берутся. Теперь твоя очередь, гений. Каков вопрос, таков ответ. Ты спросил, как это получилось, – я отвечаю. Дальше объяснять?

– Ой да иди ты...

Вечером устроили застолье – с музыкой, с гостями, с подарками. Счастливая раскрасневшаяся Джессика сидела во главе стола, рядом сидел до сих слегка обалдевший Ри, который то и дело спрашивал жену: тебе что-то положить? налить? принести? унести? В конце концов Джессика, у которой уже голова шла кругом от его заботы, погрозила мужу кулаком и приказала «сидеть спокойно, пока я не рассердилась».

– Психиатрическая клиника, – констатировал Кир, когда они вышли покурить на улицу. – Кажется, у гения поехала крыша.

– Да не кажется, а на самом деле поехала, – подтвердил Ит. – Впрочем, неудивительно. От таких событий у любого крыша поедет.

– Это точно, – согласился Скрипач. – Но ничего. Первый месяц он будет от радости из штанов выпрыгивать, потом слегка успокоится. По себе знаю.

– Угу, – кивнул Ит. – Рыжий, дай эту хрень от запаха.

Курили они теперь совсем мало. Фэб не любил запаха дыма, но больше всего его расстраивал не запах, который вполне можно перетерпеть, а то, что курение было действительно очень вредной штукой.

– Вы понимаете, что у вас в результате помойки вместо легких? – сокрушался он. – Помойки! Грязь! Вот эта вот черная дрянь... смола... Ее пока выведешь...

В результате сошлись на следующем: курили максимум четыре легкие сигареты в день и разрешили Фэбу отслеживать общее состояние. Скрипач, конечно, для приличия поворчал, но потом по секрету признался Берте, что на самом деле он доволен. Нет, курить бросать они не собирались, но последнее время стало не до сигарет.

Форма, настоящая рабочая форма постепенно возвращалась; они усложнили тренировочный курс, кардинально переработали оставшиеся метаморфозы, они включили в новую программу техническую базу – к вящей радости Кира с Итом, которые к технике были неравнодушны. Ри стал тренироваться наравне со всеми, мало того, он, по его собственным словам, «тряхнул стариной» и вплотную засел на астронавигацию. А Тринадцатый и Брид так и вовсе удивили всех, когда в один прекрасный день сообщили: они на два месяца покидают планету, потому что летят проходить первичный курс обучения у Мастеров Путей, работающих процессы Вицама-Отто. Одних их, конечно, не отпустили, с ними отправились Кир и Фэб...

Проще говоря, скучать и курить им постепенно становилось совершенно некогда. Поэтому курили редко, по случаю. Пили и того реже, алкоголь и тренировки в таком режиме были просто несовместимы.

Но иногда, изредка, все-таки позволяли себе расслабиться.

Как сейчас, например.

– ...И все равно, мужики, вот я, конечно, понимаю, но... Но это же просто... ну быть того не может! – Ри улыбался, как придурак. – У меня будет сын. Мама дорогая... Да я поверить не могу. Не, народ... вы представляете?! У меня! Будет! Сын!..

– Да представляем, представляем. – Ит покачал головой. – Гений, ты только остынь немножко, потому что сын у тебя будет точно не сегодня. Еще несколько месяцев придется подождать. Наберись терпения.

– Ит, ему это сейчас бесполезно говорить, – заметил Кир. – Он не понимает.

– Ага, у нас сегодня все непонятливые, – огрызнулся Ит. – Особенно те, которым я сказал бычки в петунии не бросать. Кир, давай ты будешь их все-таки класть в пепельницу, а?

– Ой, отвяжись, язва, – скривился Кир. – Подумаешь, один раз...

– Если бы один, я бы не ругался!

– Парни, это ж чума! Сын, блин! Нет, вы представляете?!

– Бычки в цветы – это натуральное хамство!..

– Я не нарочно!

– А она подходит и говорит: «Я тебе сейчас такое расскажу...».

– В петунии!..

– Твою мать, у меня от вас голова уже распухла!!! – заорал Скрипач. – Заткнитесь вы все наконец! Мне дадут сегодня сказать? Чего вы разорались?!

Ри с Итом разом замолчали, Кир открыл было рот, чтобы что-то в очередной раз возразить, но тут же закрыл обратно – для этого оказалось достаточно один раз посмотреть на рассерженного Скрипача.

– Так что ты хотел сказать-то? – осторожно спросил Ит.

– Я про сегодняшний разговор в Саприи.

– Ах это... – Кир пожал плечами. – Мы же отказались вроде.

– Мы – да, но Ри пока не в курсе. Гений, очнись и послушай, пожалуйста.

– Чего?

– Я хотел поговорить про то, что нам рассказали насчет Апреля, и...

– Рыжий, я тебя умоляю, давай не сегодня!

* * *

На просьбу троих ребят из Сопротивления они, разумеется, ответили «нет». Собственно, просьба была какая-то очень расплывчатая и туманная, без конкретики. «Может быть, вы посмотрите...», «Как вы думаете, почему это может быть?..», «Мы вот не поняли...»

– Так что не поняли-то? – безнадежно спросил в очередной раз Кир.

Делегаты беспомощно переглянулись, старший пожал плечами.

– Володя, вы можете говорить конкретнее? – попросил Ит.

– Не могу. – Светловолосый сероглазый Володя беспомощно развел руками. – Ит, вот честно, фигня какая-то...

– Что фигня, мы уже догадались, но суть проблемы вы пока что так и не назвали, – поторопил Скрипач.

– Так ее нет, сути...

Разговор этот происходил в квартире на сороковом ярусе, которую они оставили за собой еще два года назад, когда переезжали в дом. Сейчас квартира служила всем подряд: то в ней останавливался кто-то из многочисленных гостей, то проходили совещания вроде сегодняшнего, то Мотыльки оставались ночевать в компании своих учеников из эмпатической школы. Сейчас в самой большой комнате поселились на несколько дней вот эти трое молодых ребят из Сопротивления. Ребята прилетали уже не в первый раз, больше всего их интересовала монография, которую писал Ит, и иногда, очень изредка, они просили совета по каким-то вопросам. Не особенно сложным, надо сказать.

Но сегодня...

– Володь, Олеч, давайте по порядку еще раз, – приказал Ит.

– А что толку по порядку, если вы не полетите все равно? – нахмурился Олег. Тоже высокий, тоже светловолосый – кажется, они с Володей двоюродные братья. – Какой смысл рассказывать?

– Смысл – информация может пригодиться для работы, – пояснил Ит.

Скрипач согласно кивнул.

Третий парень, до этого момента молчавший, поднял голову и уставился на Ита рассерженным взглядом.

– Ит, вы пишете, что всегда существует две волны, так? – резко спросил он. – Как минимум – два внутренних источника возмущения в пределах Осколка Сонма. А у нас их вообще не осталось!.. И я думаю, что не просто так!

– Это уже интереснее, – прищурился Ит. – А конкретнее можно?

– Можно. Вы даете схему, я прав? Осколок Сонма – Россия – плюс противостоящая сила... у нас это США, где-то – Германия, где-то Йапи, где-то...

– Деление как на Терре-ноль, там США и Санди Маунтан, – кивнул Ит. – Да, верно. Так и есть. К чему вы это, Юра?

– А к тому, что у нас никакого противостояния нет. США дохлые. И внутри России никаких двух фракций тоже нет. Одна, и та на ладан дышит, – ощерился парень. – Я понимаю, что вы не хотите к нам ехать и смотреть... Тем более что мир под официалкой, чтобы ее черты взяли, и...

– Юр, тебе сколько лет? – поинтересовался Кир.

– Двадцать четыре. А что?

– Да ничего. – Кир улыбнулся. – Кажись, ты такой же упертый, как я. Ну, продолжай.

– Да нечего продолжать. У России словно голову отрезали, понимаете? – Юра дернул плечом. – А вместо головы поставили...

– Жопу, – подсказал Скрипач. Олег и Володя синхронно кивнули. Кир заржал. Ит прикрыл глаза ладонью.

– Да, жопу! – ощерился Юра. – Вол, а что, нет?.. Ну положим, у нас как-то еще ничего, а в Штатах вся власть действительно у жопоголовых в руках. Ит, они тупые!.. Блин, я не могу объяснить, это видеть надо! Такое ощущение, что мир чокнулся! Ну совсем чокнулся!

– А раньше было иначе? – Ит задумался.

– Да, раньше было иначе. Прикол в том, что до... ну, до Официалки и до Молота, которые к нам приперлись... В общем, все было так, как вы пишете о Сонме. Мы читали. Просто один в один. Но сейчас...

– Маразм сейчас, – скучным голосом подтвердил Олег. – Если два правительства двух супердержав месяц решают вопрос, можно ли добавлять ароматизатор в жевательную резинку – это нормально?! Если на полном серьезе обсуждаются штрафы за бездетность, которые с инвалидов брать собираются, – это нормально? Если и с той и с другой стороны у власти два идиота, причем они по сорок лет сидят уже у этой власти, это тоже нормально? Они мало что старики, но они действительно идиоты! И их даже никто не выбирал!!! Два этих старых пердуна как из воздуха возникли по обе стороны океана и сидят... Нет, вы не понимаете. И понимать не хотите.

– Юноши, милые, мы-то что можем сделать? – проникновенно спросил Скрипач. – Возможно, вы правы. Возможно, у вас действительно какой-то сбой произошел. Но мы тут с какого бока? Мы ничего не решим, а даже если и решим, что это даст?

– Юра, ваш мир, Апрей, попал в эксперимент с линзами, который проводит официальная и Молот, – осторожно начал Ит. – Да, больше сорока лет назад был начат этот процесс, и у вас, и на Соде. И сбои неминуемы. Но система, любая система такого уровня – гомеостат, и она сумеет выправиться рано или поздно...

– А если не сумеет?! – Юра повернулся к нему. – Если нет, тогда что?!

Ит печально смотрел на него.

Какие хорошие мальчишки... Смелые, честные, умные. Принципиальные. Мы такими не были. Может быть, потому что мы в те годы не знали толком, что такое Родина. Не понимали. Поняли гораздо позже, уже в зрелости. А они... Они выросли на своей земле, и они свою землю – любят.

Очень сильно любят.

Не любили бы – не пришли бы сюда просить совета. Не вступили в Сопротивление. Не вышли бы – вот так – на борьбу с чем-то, что пока не в состоянии даже осознать...

Он и сам чувствовал: что-то действительно не так, ребята правы, что-то с их миром происходит нехорошее, дурное; и, может быть, что-то действительно можно было бы сделать. Вопрос – как. И – что.

– Давайте поступим следующим образом, – примирительно начал Ит. – Вы задержитесь тут на пару недель... Олег, не делай такое лицо, мы оплатим вам и жилье, и все прочее. Для нас это слезы. Так вот, поживете, пообщаемся, попробуем разобраться. Если... – он задумался, потер подбородок. – Если мы сумеем прийти к какому-то выводу, то, возможно, сумеем дать совет. Хотя бы.

– А если поймем, что нужно прогуляться с вами, потому что информации не хватает, то и прогуляемся. – Кир легко встал. – Не факт, что это потребуется. Скорее всего, наше присутствие будет ненужным.

Володя тяжело вздохнул. Юра с неприязнью глянул на Кира и отвернулся. Олег вопросительно посмотрел на Ита, тот виновато пожал плечами.

– Мы не панацея, – попытался объяснить он. – Мы не так много можем.

– Может, и не панацея, – согласился Олег. – Но «Теорию и обоснования Русского Сонма» написали все-таки вы.

- У вас там хоть тепло? – невзначай поинтересовался Скрипач.
- Почти как на Терре-ноль, – улыбнулся Володя. – А что?
- Мы после Сода все никак не отогреемся, – пояснил Скрипач. – Вот если бы у вас было холодно, мы бы к вам точно не поехали.
- Так вы поедете?
- Подумаем.

* * *

Берта, Кир и Фэб ради этого разговора удрали подальше. Семье сказали, что нужно сделать кое-какие дела в Саприи, и на самом деле полетели в Саприи, но не ради «дел», на которые ушло в итоге полчаса, а ради этого разговора. Поняли, что Скрипач с Итом уже готовы согласиться на поездку незнамо куда и незнамо зачем, и сбежали – советоваться.

– Не отпускаю, – категорически заявил Фэб, едва они закрыли зону индивидуального обслуживания в одном из кафе на верхнем ярусе Саприи. – Одних не отпускаю. На самом деле я бы вообще не отпускал. Я категорически против. Ит все еще спит по десять часов в сутки, причем не высыпается, они в себя едва пришли...

– Согласен, – кивнул Кир. – У них троих до сих пор мозги набекрень.

– Ну и как мы их не отпустим? – горько спросила Берта. – Вам Эрсай сказал, что под вашу ответственность. Давайте, решайте.

– Не удержим, – покачал головой Фэб.

– Это точно... – Кир раздраженно засопел. – Фэб, псих все так же?

– А ты сам не видишь? – Фэб грустно посмотрел на Кира.

– Вижу...

– Давайте закажем что-нибудь, не сидеть же без ничего, – предложила Берта.

Кабинет им достался замечательный – светлые стены, полукруглый мягкий диван (тут почему-то для компаний чаще всего ставили именно такие), симбио-стены с плавно текущими по ним световыми волнами и в довершение – великолепный вид на горы и закат, заливший половину неба алыми и розовыми сполохами.

Взяли каких-то закусок, Кир, разумеется, заказал имитацию мяса; Фэб, колебавшись, выбрал в меню блюдо из новинок, а Берта, которой есть не хотелось совершенно, решила ограничиться стаканом фруктового сока и кофе.

– Если не получится удержать, пойдем с ними, – подвел неутешительный итог Фэб. – Но только мы. Берта, вы оставайтесь. То, что вы обе не пойдете никуда в этот раз, я думаю, обсуждению не подлежит.

Берта, прищурившись, посмотрела на него.

– Почему? – с вызовом спросила она.

– Потому что есть еще одна причина, по которой я бы попросил тебя остаться. – Фэб до сих пор осторожничал и напрямую мало о чем говорил. – Но о ней не сейчас.

– И тебя, и Джесс мы оставим дома, – подсказал Кир согласно. – Вообще, тут я подписываюсь на все сто. Уж кем, а вами мы рисковать совсем не хотим.

– А собой, значит, можно, – поддела его Берта.

– Собой... проще как-то, – пожал плечами Кир.

– Дорогой мой, знаешь, когда тебя закапывали, я... – Берта осеклась. – Вот вы, оба, поставьте себя на мое место, а? Ну поставьте! Или на место Джессики!.. И на секунду представьте себе, что именно мы обе ощущаем, когда вы уходите куда-то!.. И если бы нормальные были, так ведь до нормальности пока что далеко! Они все хороши, как не знаю что уже вообще!.. Что Ри, который по четыре раза за ночь встает – то курить, то воду пить, то на улице сидеть; что рыжий, который тоже по ночам по дому шатается, проверяет, все ли на месте,

а днем ересь всякую городит, которую слушать страшно; что Ит, который из твоей, Фэб, майки не вылезает, потому что до сих пор поверить не может, что ты вернулся! Я понимаю, что двигаться придется обязательно, в любом случае мы тут навечно не останемся, но сейчас, после всей этой мясорубки, хотя бы год еще почему нельзя отдохнуть?!

– Бертик, так там ничего делать не придется. – Кир улыбнулся. – Прокатимся, поглядим, что да как, и вернемся. Там ведь ничего криминального нет. Ни войны, ни революции, ни печек-лавочек.

– А Официальная? – прищурилась Берта.

– А что – Официальная? – удивился Фэб. – Делегация объяснила, что мир, по сути, в карантине. Они ни во что не вмешиваются.

– Мы до сих пор по статусу заложники, – напомнила Берта. – Они имеют право...

– Не имеют, – возразил Кир. – Там – не имеют. Тем более что мы не будем затрагивать то, что в их юрисдикции.

– Сговорились, да? – Берта тяжело вздохнула.

– С кем? – не понял Фэб.

– Видимо, с Мотыльками. Они тоже за эту вашу... эпопею. Они хотят с вами. Их я переубедить не смогла.

– Малыш, но ведь надо когда-то начинать, – тихо сказал Кир. – Ты не волнуйся так. Мы через месяц обратно вернемся. Увидишь. Честно.

– Кир, а ты сам в это веришь? – горько спросила Берта.

– Знаешь, верю. Почему-то верю.

– А теперь с умным видом ты должен сказать то, что обычно вы все говорите.

– И что же? – Фэб прищурился.

– Что не все от вас зависит...

02. Красный закат

Уговорились в результате на месяц, если по Сонму. А больше ни-ни, потому что Джессика будет волноваться, Берта будет волноваться, Ри будет волноваться, в общем, все будут волноваться, а это как-то совсем не весело и никому не надо.

Отправиться решили на собственном корабле, который полгода как пришел с верфи и который пока что использовали только для тренировок. Корабль этот изначально проектировал Ри, а потом проект доводили до ума инженеры-рауф в том мире, в котором был размещен заказ. Корабль обошелся в сумму, сначала показавшуюся всем запредельной, но потом оказалось, что сумма вполне разумная, с учетом того, что представлял собой этот корабль.

Впервые увидев результат, Скрипач сначала несколько минут молча всматривался, а потом с восторгом произнес:

– Какая вкусная машина...

Во «вкусную машину» Ри с проектировщиками сумели запихнуть, по словам Ри, «все и еще немножко сверху». Так называемый живой корпус, на данный момент поддерживающий около десяти тысяч трансформаций и способный обучаться новым. Двадцать восемь огневых точек (Куда тебе столько? – Ну мало ли...). Тройное дублирование ходового модуля, способного имитировать работу практически любого известного двигателя пространственных судов такого класса. Адаптация практически к любым видам проходов: и сетевых и разовых. На борт корабль мог брать двадцать человек, а при большом желании можно было бы разместить сорок. Система жизнеобеспечения – одна из редчайших биотехнологий Зивов, не убиваемая практически вообще ничем, даже при сохранности всего лишь пяти процентов этой системы она продолжит существовать и работать. Кинестетическое импульсное управление, которое Ри «слизал», основываясь на управлении чужим катером контролирующих. И так далее. И тому подобное.

– Ну, это, конечно, не секторальная станция, но вполне себе ничего, – скромно отвечал Ри. Благодарили его за проект и реализацию все. – Да не за что, ребята. Уж как сумел. Но я старался.

Долго спорили, как назвать корабль; хотели бросать жребий, но вовремя поймали за руку Скрипача, который на всех бумажках успел написать «Люся» (у Скрипача все механизмы и машины так назывались, и тут он от своего правила отходить не собирался), потом решили обсудить каждое название, и в результате долгих споров победили Джессика с Бертой. Корабль назвали «Ветер», и, по общему мнению, это имя подошло машине лучше всех других.

– Что-то в нем такое определенно есть... летящее. – Фэб, который до сих пор почти со всеми на всякий случай соглашался, в этот раз говорил совершенно искренне. – Поразительно красивая машина.

...Сейчас «поразительно красивая машина» ждала своей очереди на проход через сеть Ойтмана: решили пока что не афишировать себя, не светиться до времени. Ри преобразовал корабль, и к проходу в результате подошел малый круизный лайнер. Приписка – Окист, документы в полном порядке, все легально.

Ждать предстояло четыре часа, через проход шло несколько крупных транспортов, причем с какими-то приоритетными грузами.

– Глянец, – пробормотал Ит. – Какое-то оно все... неправильное.

– Ты вообще о чем? – не понял Скрипач.

Они решили подремать в своей каюте, но спать не хотелось, и сейчас Скрипач забавлялся тем, что менял в каюте цвет стен и освещение, а Ит просто лежал на койке, положив руки под голову, и рассеянно смотрел в никуда.

– Три года, рыжий. Три года мы как сыр в масле... понимаешь? Мы рвали себе жилы, выдираясь из черте чего, жилы выдрали, сами выдрались, и что?..

– А правда, и что? – Стены каюты позеленели, потом пожелтели.

– А ничего, – огрызнулся Ит. – Я себя собой не чувствую. Нет, оно, конечно, хорошо: и спать сутками, и тренироваться, и денег завались, и все, что хочешь, к твоим услугам, но... По-моему, ты это чувствуешь тоже. Стагнация. Болото.

– Ну... ну да, наверно, – меланхолично согласился Скрипач. Стены каюты стали бледно-сиреневыми. – Мы не сумели к этому привыкнуть.

– Никто из нас не сумел, – уточнил Ит. – Вроде все хорошо, да? Цветочки сажаем, на катерках летаем... фу ты, не знаю просто. Ты заметил, что Фэб постоянно торчит рядом с Киром?

– Заметил, – фыркнул Скрипач. – Не просто торчит, они последние полгода вообще в одной комнате живут. Словно Фэб...

– Словно он признал Кира главным и...

– И старается как-то показать это, – закончил Ит. – Оправдаться за что-то.

– За то, что его сто двадцать пять лет не было, – подсказал Скрипач. Стены покраснели. – Он пытается вписаться в жизнь, в которой он отсутствовал. И чувствует себя за это отсутствие виноватым.

– Угу, – кивнул Ит.

– Идиот, – резюмировал Скрипач. – Впрочем, ты тоже идиот. Вот что тебе мешает опять...

– Хрен его знает, – пожал плечами Ит. – Понятия не имею, если честно. Одна моя половина осознает, что он здесь, другая поверить в это не может. Видимо, я просто разучился.

– Достало это твое раздвоение личности, – проворчал Скрипач. Стены посинели. – Ты уже определись, что ли.

– Дай мне время, – попросил Ит. – Я, видимо, еще не готов.

– Угу, ходить в его майках ты готов, – хмыкнул Скрипач. – Зачем?

– Чтобы чувствовать, что он здесь, видимо, – неуверенно ответил Ит. – Я действительно не готов стать гермо... в том смысле, в котором положено им быть. И, знаешь, – он перевернулся на бок. – Вот про эту стагнацию... Я сейчас скажу полную бредятину, но мне кажется, что я прав. Мы очень вовремя оттуда смылись. Потому что еще полгода, и у меня мозги бы закисло окончательно, не знаю, как у тебя.

– Возможно, – осторожно заметил Скрипач. Синий цвет стен снова сменился на красный. – Я от этой поездки, честно говоря, много не жду. Но хотя бы встряхнуться как-то, да?..

– Ага, – кивнул Ит. – Собственно, это такая маленькая разведка получится. Почитаем всякую ерунду в местном универе, погуляем, осмотримся. Что приятно – все легально, прятаться не надо, скрываться не надо.

– Ну, почти не надо, – поправил Скрипач. – Мы не только преподавать туда идем.

– Знаешь, что меня смутило? – Ит сел. – То, как они обозначили состав нашей делегации во время переговоров. И то, что мир потребовал в свое время независимый путь технического развития.

– Независимый путь технического развития – это модель Терры-ноль, – подсказал Скрипач. – Там тоже запрещены по большей части чужие технологии. Используются преимущественно свои.

– Там это обосновано. Тут – нет, – возразил Ит. – Терра-ноль – вне юрисдикций, по сути дела. Апрей – вроде бы стандартный реестровый мир. Со всеми присными, типа Транспортной сети и кадастровой столицы. То есть тут парадокс получается, видишь? Они поддерживают контакты с двумя десятками миров, но при этом чужие технологии не используют, ориентируясь на собственный путь технического развития. Это бред, рыжий. Потому что любой нор-

мальный мир, что Индиго, что Маджента, при таких же исходных условиях стараются скупить максимум чужих технологий и пустить их в ход.

Скрипач задумался. Стены потемнели, стали серо-черными.

– Так и оставь, – попросил Ит. – Задолбал уже своим калейдоскопом.

– Тогда вопрос – зачем им это нужно?

– А вот хрен знает. И состав, то есть непосредственно мы. Нам дали разрешение на въезд только после чего? Правильно. После того как с Окиста был отправлен пакет данных по семейной лояльности. Официальной пахивает, не находишь?

– Нахожу, – поморщился Скрипач. – Но это запутывает все еще сильнее.

– Правильно, – кивнул Ит. – Потому что это бессмысленно. Мы согласились с тем, что не будем «привносить чужие технические достижения», так? Мы подтвердили, что отношения внутри нашей группы – семейные, так? Мы...

– Мы даже дали согласие на контроль наших действий – их техническими средствами, – покивал Скрипач.

– Есть будете? – спросил Фэб из-за двери. – Через два часа входим в систему.

– Будем, – отозвался Ит. Улыбнулся. – Мы сейчас подойдем, Фэб. Через минуту.

– Ага...

– Так, на чем я?.. Ах, да. Мы подтвердили те вещи, которые ни в каком другом мире подтверждать не следует. Потому что они как минимум некорректны. А вот теперь давай шевелить мозгами, что собой представляет этот Апрей на самом деле.

– Пошли шевелить ими со всей честной компанией, – предложил Скрипач. – Действительно, потом, боюсь, некогда будет.

– Ты дома ел.

– И чего?! Это ж еда, изверг! Ее много не бывает. Дома, подумать только. Идем, идем, чего расселся.

* * *

Сидели в кают-компании. Ри забавы ради сделал стены прозрачными, и сейчас вокруг «Ветра» расстилалось сине-бархатное небо с россыпью звезд, а мимо, километрах в ста, шла вереница чужих транспортных – ослепительно-белых, длинных, сияющих. Вереница неспешно втягивалась в портал, который при каждом проходе вспыхивал зеленым сполохом, а потом медленно гас.

Еду приготовил Кир, который любил «остренькое», поэтому рядом с каждым стоял стакан с водой – «остренькое» лучше было запивать, чтобы не пожечь рот. Скрипач пообещал Киру, что в следующий раз есть они будут манную кашу, причем сладкую, потому что у него от этого «остренького» теперь изжога.

Говорили, разумеется, о планете, на которую отправлялись. Несмотря на то что подобные разговоры велись еще на Окисте, причем не один день, непонятных моментов оказалось более чем достаточно.

– То есть у вас, получается, там сейчас...

– Ну да. Как сорок лет назад было, так и есть. Не как на Терре-ноль, конечно, получше, но почти так же.

– То есть вы от белого уровня практически не ушли?

– Рыжий, ты покорректнее вопросы задавай, – приказал Кир. – А то ты как-то это... не того...

– Володь, самолеты у вас есть? – поинтересовался Скрипач.

– Есть, – Володя засмеялся. – И подводные суда есть. И винтолеты есть, и визио есть, и итро-сеть есть, и радио, и автобусы, и...

- А Москва Москвой называется? – с интересом спросил Кир.
- Называется.
- Откуда ты про Терру-ноль столько знаешь? – Ри задумчиво глянул на Володю.
- Так у меня там папа работал двадцать лет, – пожал плечами тот. – Еще до моего рождения. Он очень много рассказывал, и сейчас тоже... а что?
- Да ничего. Я вот только одного не понял, почему они вас выпускают? – нахмурился Ит. Он уже минут пять сидел с наколотой на вилку половинкой картофелины, но, кажется, про эту картофелину он уже позабыл. – В теории они на это права не имеют.
- Учебная программа для одаренной молодежи. Гуманитарная, не техническая, конечно. Ну, мы тут лукавим слегка. Уходим через транспортников, а потом через Ойтмана, куда нам надо. С шестнадцати лет ездим, привыкли уже.
- Ого, – Ит нахмурился еще сильнее. – То есть они уверены, что вы вернетесь? Почему?
- А куда мы от жен денемся? – удивился Олег.
- Понятно, – кивнул Фэб. – А дети?
- Пока нет. – Володя погрустнел. – Моя отказалась рожать в восемнадцать, теперь до двадцати шести... ну, в общем, не важно. Наказали ее.
- Посадили? – У Кира округлились глаза. – За то, что нет ребенка?!
- Зачем – посадили? – изумился Володя. – Повинность отрабатывает. Она же детский врач у меня. Просто нельзя менять место работы, и зарплата маленькая. Вот еще, посадили. Глупости какие...
- Забыл спросить, почему, собственно, вы называется Апрей? – Скрипач повернулся к Володе.
- Потому что в Официальной сидят идиоты, – с неприязнью ответил тот. – Апрей – это месяц. Фераль, мач, апрей, май. Когда им при первом контакте сказали, какой месяц, они сочли это самоназванием и внесли в реестр. А потом было уже поздненько метаться, потому что это название стало кадастровым. Вот такой вот маразм.
- Погоди, а какой расы были те официалы? – Скрипач задумался. – Не луури часом?
- Когни, – с отвращением ответил Володя. – Придурки.
- Да уж, сочувствую, – покивал Ит. – Но в принципе неплохое название. Весеннее такое.
- Ну это да... Нет, у нас хорошо, вы не бойтесь.

* * *

Терминал оказался стандартный, транспортники, как и всегда, придерживались для миров такого уровня одной и той же модели. Большой зал серповидной формы, окна на крыше, длинные стойки контроля... и почти полное безлюдье. Проверка не заняла много времени, ее закончили очень быстро – Кир даже немного удивился этому обстоятельству, но Ри пояснил: по всей видимости, процедура упрощенная, да и с собой у них ничего криминального нет. Ни оружия, ни техники. Только личные вещи.

«Ветер» пришел через проход Вицама-Оттое, но по законам Апрея начальную проверку группа должна была проходить все равно у транспортников. Как позже выяснилось, причина заключалась в том, что планета была на карантине, и на таких условиях проверки в свое время настояла Официальная служба. Впрочем, досмотра по факту толком и не было.

После короткого общения с транспортниками отправились на местную таможню – и вот тут началось настоящее веселье. Скрипач позже назвал процедуру, которой они подверглись, вошегонкой – и с ним согласились все.

Досматривали с пристрастием. Вещи (хорошо, что их было немного) таможенники заставили выложить из сумок на столы и принялись копаться в них настолько бесцеремонно, что все от такой наглости даже несколько опешили.

– Это что? – таможенник, здоровенный пузатый мужик, поддел щипцами какую-то тряпку.

– Рубашка, – сообщил Скрипач. – Моя.

– А почему она синяя?

– Эээ... – Скрипач недоуменно посмотрел на таможенника. – А что, нельзя?

– Можно. Но почему синяя?

– Мне идет этот цвет. – Скрипач недоуменно пожал плечами. – Простите, но я не понимаю сути вопроса.

– Если вы ее намочите, краска смывается?

– Слушайте, какого хрена? – не выдержал Кир. – Не смывается краска. Зачем бы мы стали покупать вещи, с которых она смывается?

– Объясняю, – таможенник кинул рубашку обратно. – Чужой химический состав красителя. Можно провести анализ и потом использовать...

– Вот что, – у Ига явно закончилось терпение. – Мы сюда прибыли читать лекции в университете, а не заниматься смывкой красителей с рубашки. Если она вас смущает, мы можем оставить ее вам. Нам не жалко.

– Не требуется, – таможенник дернул плечом. – А это что?

Сейчас очередь дошла до вещей Фэба. Он взял с собой минимум, его сумка была самой маленькой. Вещи ярких цветов он не носил, предпочитая естественные приглушенные тона, поэтому одежда вопросов не вызвала. Да и было ее всего ничего: две пары штанов, две толстовки с длинными рукавами (по словам Володи выходило, что сейчас весна и может холодать), легкая куртка, тапочки и маленькая сумочка с мелочами типа зубной щетки, дезинфицирующего геля и расчески.

Однако таможенники и здесь нашли то, что их смутило.

– Вот эта деревяшка, это что такое? – снова спросил таможенник.

– Это складень, – спокойно ответил Фэб. – Иконы. Тоже запрещено?

Таможенники переглянулись.

– Вы православный? – недоуменно спросил толстый.

– Да, – односложно ответил Фэб.

– Рауф? Православный?..

– Да. В данный момент – да. Так запрещено или нет?

Он взял складень в руки, открыл – Спаситель в центральной части, справа – святая великомученица Ксения, слева Пантелеимон-целитель. Складень был небольшим (в ширину сантиметров пятнадцать, в высоту двадцать), деревянным и явно не новым – доски на уголках выглядели потертыми, кое-где поцарапанными.

Таможенники снова переглянулись.

– Он представляет художественную ценность? – спросил второй. Ит обратил внимание, что говорит чаще всего толстяк, и понял следующее: если в этой паре у кого-то есть мозги, то явно у этого вот, у молчуна.

– Нет, – спокойно ответил Фэб. – Это не написанные иконы, это репродукции. Правда, они напечатаны на настоящей бумаге. Вещь достаточно дорогая, но серийная.

– Где вы ее приобрели?

– На планете приписки. Окист. Их производит мастерская, принадлежащая епархии. Вообще-то я не приобретал, это подарок моего духовного отца. Он мне дорог, этот подарок, и я предпочитаю возить его с собой.

– Думаю, вопросов больше нет. Убирайте вещи и проходите к стойке оформления.

* * *

– Володь, о таком дурдоме нужно предупреждать заранее, – ворчал Скрипач, пока они шли через большую стоянку к только что арендованному через агентство минивэну. – Что у вас тут за хрень творится, а?

– Я про это понятия не имел, – оправдывался тот. – Нас в жизни так не проверяли! Да вообще никого так не...

– Безобразие. – Ри злился до сих пор. – Ну и хамское местечко. Я уже жалеть начинаю, что мы поддались на ваши уговоры.

Володя отвел взгляд. Видно было, что парень огорчен и рассержен, – но, если вдуматься, что он мог поделаться?

– Ладно, ребята, – примирительно улыбнулся Ит. – Действительно, не надо. Ерунда же. И потом, Ри, Терра-ноль была тоже тем еще хамским местечком, но мы почему-то не жаловались.

– Распустились на Окисте, – подтвердил Кир. – Расслабились. Сплошные здрасти-пожалуйста, простите-извините. Чего такого-то, не пойму?

– Кир, я не люблю, когда мои вещи ворошат самым наглым образом, при этом задавая совершенно идиотские вопросы. – Скрипач, впрочем, уже успокоился. – Ладно, проехали... Володька, выше нос, блин! Проехали, говорю. Все. Баста. Аут. Довольно.

– Ох... – парень тяжело вздохнул. – Ну, проехали и проехали. Вот наша машина. Поведу я, с вашего позволения. Вам еще права надо будет подтвердить, но это завтра.

– Завтра так завтра, – покладисто согласился Ит. – Ничего автобус, здоровый какой. Импортный?

– Американский. – Володя провел по сенсору двери «ключом» – матово-зеленый шарик на цепочке. – У нас такие большие не делают, считается, что они не нужны. Ну, в общем, правильно считается. Город и так перегружен, а если все начнут на таких дырах ездить, вообще места не останется.

Пока укладывали вещи, Ит отошел в сторонку, огляделся.

Он уже чувствовал... несмотря на то что стоянка была закрытой, он уже ощущал – то самое. То, что было главным.

Миры Сонма действительно были особенными – если знаешь, что именно надо чувствовать. Как картинка-загадка, они оставались загадкой лишь до того момента, пока глаз не выхватывал «спрятанное» изображение.

Вот и сейчас...

Сколько же их было? Не так много, если вдуматься. Террана, О니прея, Терра-ноль, Сод. Земля, которая была в старых считках. Квинта... Как жаль, что они в молодости, до Терры-ноль, не задумывались о том, что объединяет эти миры! Как жаль, что столько лет ушло по сути дела впустую – и как обидно за свою же душевную слепоту.

Можно же было, наверное, понять это раньше.

Но нет. Не поняли. Не ощутили. Не разобрались.

Сонм и Сонм, и что такого? Группы похожих языков, сходное историческое развитие... курьез мироздания, а про языки так и вообще хорошо, потому что не надо адаптировать гортань, да и маска «подсаживается» в русской группе на порядок легче.

Идиоты... нет, какие же все-таки идиоты...

Эта реальность, огромная, как само небо, была все время рядом – а они, придурки, копались в грязи, не замечая и не понимая, что оно – тут, протяни руку и прикоснись.

Когда он начинал писать монографию, он постоянно спрашивал и себя, и окружающих – что чувствуется? И вообще, возможно ли это выразить словами? Да, именно словами, а не тем

тихим пониманием, обожанием, не имевшим объяснения, которое посещало каждого из них при одном лишь упоминании... о чем?

Сейчас...

Там, за стенами стоянки, было оно – то самое.

Он прикрыл глаза, глубоко вдохнул.

Запахи, частью знакомые, частью нет. Бензин, асфальт, горячее железо, весенний ветер, отзвук прошедшего ночью дождя, далекая река... Что-то неуловимо правильное – и не хватает слов. Только ощущение. Ни с чем не сравнимое – я уже стою у порога.

– Ит, там чего, заснул? – крикнул Кир. – Поехали, хватит медитировать!

– Иду, – отозвался Ит. – Прости, задумался...

* * *

Город был гигантским – куда там той Москве, что они видели на том же Соде!.. Сейчас машина медленно двигалась в потоке по огромной двадцатиполосной автостраде; поток шел медленно, не ускоряясь и не замедляясь, над дорогой с равными интервалами висели предупреждающие табло, все – с одной и той же надписью. «Рекомендованная скорость движения 45, соблюдайте скоростной режим, подключите ограничение дистанции». Володя, сидящий за рулем, объяснил: чтобы не было аварий, все машины оснащены дистанционками, не позволяющими сокращать расстояние. Если попробуешь подъехать к впереди идущей машине, движок сам сбросит обороты.

– Разумно, – похвалил Скрипач. – И что, аварий у вас не бывает?

– Бывают, конечно, – пожал плечами Володя. – Но как десять лет назад дистанционки начали ставить, стало меньше.

– А ты говоришь, нет прогресса, – заметил Ри. – Что это, если не прогресс?

– Так изобрели это все черти когда еще, – сказал в ответ Володя. – Просто у нас не использовали.

Ит прикинул про себя, что может случиться, если авария произойдет в таком потоке – и поежился. Тысячи машин встанут намертво. А при таком размере города... Да уж. Как-то невесело.

– О, кажись, просвет впереди, – обрадовался Володя. – Отлично! Я и не рассчитывал...

Действительно, надписи на табло стали меняться – теперь была рекомендована скорость шестьдесят, поток пошел быстрее.

– Володь, а что это за штука такая? – Скрипач с интересом глядел в окно. – Вот та, которая круглая...

– Скрипач, я вас разочарую, но это очистной коллектор, – рассмеялся тот. – Мы ведь в промзоне пока что. До жилых районов еще далеко.

– А небоскребы? – спросил Кир.

– Так до них тоже далеко... Это Башни Свободы, комплекс в центре.

– Башни? – переспросил Кир.

– Ага. Их три. Я вас потом свожу на экскурсию.

– И что в них находится? – Кир, приложив ладонь козырьком ко лбу, всматривался в даль.

– Офисы по большей части. Ну и рестораны всякие, на самом верху. Я, правда, не был ни разу.

– Почему? – любопытствовал Скрипач.

– Ну... – Володя замялся. – Они для туристов, да и потом... как бы так сказать... в общем, это считается неприлично.

– С какой радости? – удивился Кир.

– Неэтично, да? – подсказал Фэб. – Развращающий образ жизни – развлечение вместо честной работы?

– Примерно так, – согласился Володя. – Считается, что в таких местах приличным людям, если они не иностранцы, не место.

– Ерунда какая-то, – заметил высунувшийся из рюкзака Брид. – Ресторан – это для того, чтобы поесть. Или посидеть с друзьями. Что тут неприличного?

– Родной, на Терре-ноль кабаки тоже считались местами разврата и порока, – напомнил Ит. – Если ты помнишь...

– Я-то помню, но также помню, что мы за милую душу ходили и никто нас не попрекал. Какой хороший день рождения для Джесс вы тогда сделали! Ну, в том кафе на Лиговке, которое после трамвайных путей. Неподалеку от терминала. И вот я сейчас...

– Брид, угомонись, а? – взмолился Скрипач. – Чего тебе неймется? Везде же по-разному. Тут – вот так. Володь, мы на самом деле не страдаем по походам в рестораны, да и цель, ради которой мы приехали... в общем ну их, эти башни, мы лучше делом позанимаемся.

– И то верно, – согласился Ит. – Завтра, как я понял, у нас свободный день?

– Ну да. Освоиться, отдохнуть, – кивнул Володя. – Послезавтра в университет, а потом снова два свободных дня.

Договор был следующий: Ит и Скрипач читали вводный курс по этике Сонма, Ри читал курс сравнения моделирования процессов в ряде информационных систем (на этот курс удалось договориться с большим трудом, но все-таки Ри сумел доказать, что речь идет о математике в чистом виде, а не о передаче технологий), Фэб читал сравнение религий, а Кир с Мотыльками не читали ничего, они, по словам Кира, приехали «как группа поддержки». Всей загрузки в местном университете было два неполных дня в неделю, по словам Ри – чистые слезы, и компанию это замечательно устраивало.

– Отлично, просто отлично, – твердил Ри, когда все договоры были заключены. – Встряхнемся от пыли, разомнемся, мозги потренируем. А то мы на Окисте, надо признать, действительно подраслабились и распустились. Дисциплины вам не хватает всем... мне в том числе, ты можешь не делать такие страшные глаза, рыжий.

Завтрашний день, таким образом, оставался действительно вакантным.

– Чем вы заняться хотите? – любопытствовал Володя.

– Пока что не решили. – Скрипач все еще смотрел в окно. – Скорее всего прогуляемся по городу, посмотрим, что и как. Это можно?

– Можно, конечно, – кивнул тот. – Если что-то непонятно или если заблудитесь, то инфоров полно, на каждом углу есть. Подойти и спросить, голос они различают нормально.

– Инфоров? – рассеянно переспросил Кир.

– Ну да. Такие оранжевые колонны, их в центре уйма понатыкана.

– А не проще купить что-нибудь... – Ит задумался. – На Соде мы пользовались планшетниками, удобно было.

– А, «листы», – сообразил Володя. – Можно купить. Только зачем деньги тратить? Хотя, вообще-то, почему бы и нет...

– Слушай, так давай купим сегодня же, – предложил Кир. – А почему они называются «листы»? Как выглядят?

– Ну, гибкая такая штуковина, можно складывать как хочешь, писать на ней ручкой, пальцем, в интру ходить... Кир, я не знаю на самом деле, стоит покупать или нет, – предостерег Володя. – Они все китайские и постоянно ломаются. Говорю же, выброшенные деньги будут.

– Мы все-таки купим на всякий случай. – Ит задумался. – Володя, а насчет телефонов что?

– В квартире есть стационарный, и я вам купил несколько штук уличных. Надо только зарядить и вбить мой номер, ну и ребят тоже можно, наверное.

– Тоже китайские? – поинтересовался Скрипач.

– Ага. Дерьмо пластиковое. Эти хоть дешевые. «Листы» дороже.

Промзона кончилась, вокруг потянулся город – и чем дальше шла машина, тем выше и роскошнее становились дома, оживленнее улицы. Ит подумал, что Сод, показавшийся им перенаселенным по сравнению с Террой-ноль, теперь кажется пустыней – такого он увидеть не ожидал, несмотря на все предупреждения.

Город, обьятый красным закатным солнцем, отражающимся слепящими искрящимися алыми бликами в бесчисленных окнах, сейчас ощущался как огромное живое существо. Не злое, не доброе. Словно... Ит задумался. Словно огромное дремлющее животное был этот город, и совершенно невозможно понять, каким оно станет, если его разбудить. Неимоверно высокие дома, широкие улицы, площади... и люди. Тысячи тысяч людей, идущих, спешащих, тысячи тысяч лиц, тысячи тысяч взглядов.

Ит напрягся.

Что-то было не так.

Совсем не так.

Небо?.. Неужели всего лишь небо?

– Красивый закат, – заметил Скрипач, словно прочитав мысли Ита. – У нас такое нечасто увидишь.

Облачная феерия, у горизонта – багряно-красные плоские тучи, выше – бледно-розовые воздушные замки... поистине завораживающая картина. И город, спящий под этим красным величественным небом.

– Почти всегда такой закат, – пожал плечами Володя. – Красивый, да. С верхних этажей так и вообще сказка.

– Угу, – покивал Кир. Он продолжал всматриваться в толпу, прищурившись, настороженно. Машина сейчас стояла на перекрестке, ожидая очереди на проезд, и тут Ит заметил, что на лице у Кира появились признаки сильнеешего волнения, которые рауф старается изо всех сил скрыть.

– Кир, что такое? – спросил он с тревогой.

– Что?.. Да нет, ничего. Показалось. – Кир пожал плечами.

– Что показалось?

– Кабы знать. Ит, забей. Фигня какая-то показалась.

Ит кивнул, соглашаясь, но про себя подумал, что надо будет Кира потом обязательно расспросить – тот хоть и не любил распространяться на эти темы, порой умудрялся заметить что-то такое, чего не видели остальные. Плюс предвидение, дар которого у Кира и в самом деле был очень сильным.

– Володь, долго нам еще? – Скрипач явно заскучал.

– Если пробок не будет, то пятнадцать минут, если будут, то полчаса где-то. Если бы не это корыто американское, мы бы уже доехали, – пожаловался он. – Малые машины пускают по другим дорогам, там скорость восемьдесят, а то и девяносто. А мы тащимся с пассажирскими и с большегрузами... да вы сами вокруг посмотрите.

– Маленькие тоже есть, – возразил Скрипач.

– Это те маленькие, которым надо куда-то, куда только эта дорога ведет. А остальные в объезд едут. Там быстрее.

– Ясно, – кивнул Скрипач. – Ну ладно, потерпим. Что ж делать. Один вопрос – в маленькую машину только двоим можно, да?

– Угу. Двоим. И еще вещи. В магазин, например, съездить, покупки сложить...

* * *

Квартира, которую им арендовал Володя, находилась в одном из районов так называемого Второго кольца – не в центре, но и не на окраине. Три комнаты, просторная кухня, четвертый этаж. Володя с гордостью объяснил, что квартира современная, поэтому в ней предусмотрены такие полезные вещи, как полная шумоизоляция каждой комнаты, две ванные, закрытый балкон, на котором можно курить.

– Японский дом, по японскому проекту построен, – рассказывал он, пока они осматривались и раскладывали немногочисленные вещи. – Очень удобно. Вообще этот дом весь съемный, но трешки снимают редко, больше однушки и двушки.

– В смысле – съемный? – не понял Скрипач.

– Государственный. Мы эту квартиру снимаем не у частного лица, а у города.

– Понятно...

Ит, уже успевший пройти по всем комнатам и обнаруживший две следящие системы, согласно кивнул.

– Для иностранцев? – уточнил он.

– Ага, – охотно ответил простодушный Володя. – Для наших дома попроще.

– Кто бы сомневался, – хмыкнул Кир.

Платили они, разумеется, сами. По здешним меркам квартира эта стоила недешево, и ребята, конечно, такую роскошь бы не потянули.

– Внизу есть два магазина, аптека, кафе и хороший ресторан, – продолжал Володя. – Еду, если хотите, можно заказывать прямо сюда.

– Мы лучше сами. – Скрипач улыбнулся. – И потом, неизвестно, как на мелких в ресторане народ отреагирует. Были уже... прецеденты.

Кир покивал.

– Точно, были, – подтвердил он. – И хорошо еще, когда просто орали «крыса!», а то ведь и запустить чем-нибудь тяжелым могли. Брид, помнишь?

– Помню, – мрачно кивнул тот. – Крыса, угу. Тяжелым... В тебя бы, блин, бросили мокрое вонючее полотенце, ты бы тоже помнил.

Оба Мотылька сейчас сидели на подоконнике. Тринадцатый рассеянно смотрел в окно и молчал, о чем-то задумавшись, а Брид, кажется, был вполне не прочь пообщаться.

– В общем, с вами понятно. На улице в людных местах будете сидеть в рюкзаке, – подвел итог Ри. – Володь, последний вопрос. Поручительство завтра сделаешь? Уж очень неохота пешком ходить.

– Сделаю, конечно, – заверил тот. – Три машины?

– Ага, трех хватит. В общем, завтра, ближе к вечеру, договорились?

– Вопросов нет.

* * *

Когда за Володей закрылась дверь, Ит предостерегающе поднял руку. Скрипач тут же прошел в соседнюю комнату, Кир с Фэбом замерли, ничего не говоря, Ри открыл было рот, но Кир тут же сделал страшные глаза, и Ри промолчал.

Через несколько секунд из комнаты вышел Скрипач.

– Порядок, – сообщил он. – Ит?

– Чего – Ит? – хмыкнул тот. – Все готово, сэр. Добро пожаловать, сэр.

– Хватит выпендриваться. Эй, народный театр, давайте запишем дядям с десятков бытовых сценок, а уже потом спокойно поговорим. Предупреждаю, сценки потом надо будет обновлять.

– Рыжий, а не проще эту систему просто вырубить на фиг, и все? – поинтересовался Ри.

– Не проще, – наставительно ответил Скрипач. – Если ее просто вырубить, как ты выражаешься, они будут думать, что у них что-то сломалось, и попрутся сюда ее чинить. Мне лично это совершенно не нужно. Итак, сцена первая. Ит – домашние штаны, майка, полотенце. Пшел мыться. Остальные. Ри – читать, мелкие – на кухню, Фэб – смотреть телевизор, Кир...

– Я, чур, сплю, – тут же влез тот. – Сойдет?

– Не особо, но ладно. Поехали...

Полтора часа потратили на сцены, затем запустили их в систему, и только после этого Скрипач заявил, что «вот теперь можно нормально говорить».

– Кир, что ты по дороге заметил? – спросил Ит. – Что ты увидел?

– Псих, я увидел хрень, – пожал плечами Кир. – Вот эта вся масса людей... она вся стала серая. На долю секунды. Словно краски все пропали, понимаешь? Город – цветной. Небо – цветное. А люди...

– Согласен, – кивнул доселе молчавший Тринадцатый. – Ребята, тут что-то очень серьезное, как мы заметили. Кир сейчас прав. Но он-то это увидел фрагментом, а мы... – Мотылек замялся. – Объяснить?

– Объясни, конечно, – кивнул Ри.

– Когда смотришь на большое скопление людей, они становятся... ну, как лампочки. Какие-то светят сильнее, какие-то слабее, кто-то яркий, кто-то тусклый. Огромное море разноцветных лампочек. И есть такая штука, как центры притяжения. Лидеры. Если лампочка большая, или она странная какая-то, или что-то еще... неважно что, к ее свету будут стремиться другие. Они обычно или рядом, или... мне трудно словами, но факт остается фактом – поле никогда не бывает однородным. То есть почти однородным, – поправил он сам себя. – А тут оно почти ровное. Отличия если и есть, то они минимальны.

– То есть... подожди, – попросил Ит. – Они все одинаковые, что ли?

– Нет, конечно, – покачал головой Тринадцатый. – Разные. Но у них почти одинаковая интенсивность. А это неправильно. Так не должно быть.

Фэб задумчиво смотрел куда-то в пространство, словно что-то прикидывая про себя.

– Возраст, – ни к кому не обращаясь конкретно, вдруг сказал он. – Интересно...

– Ты о чем? – не понял Ит.

– Пока что ни о чем. Хотя... Все взрослые, верно?

– Нет, – отрицательно покачал головой Брид. – Не только. Почему – взрослые? Дети такие же. А что, Фэб?

– Ничего. Видимо, я ошибся. Тринадцатый, тебе не показалось, что люди чем-то недовольны, подавлены?

– Вот чего нет, того нет. Всем они довольны. И ни разу не подавлены. – Тринадцатый спрыгнул с подоконника, потянулся. – Если сравнивать с той же Онипреей, не к ночи она буде помянута, то получается вот чего. Там недовольных было полно...

– Их везде полно, – вставил Брид. – Где мы только не бывали, сам подумай! И везде было черт-те сколько недовольных. На Онипрее, если помнишь, по подвалам прятались, обсуждали все подряд, на Сокре тайные общества устраивали, на Терре-ноль опять же...

– Ну да, – согласился Тринадцатый. – Живые существа вообще штуки странные. Помнишь вечно недовольного Кэса, который каждый день находил повод поворчать и все время стремился изменить мир к лучшему?

– А то, – хмыкнул Брид. – В общем, тут нами недовольных не замечено. Если они и есть, то в той толпе их не было точно. Толпа была весьма и весьма довольная.

– И ровная. Как стол, – подвел итог Тринадцатый.

– Интересное дело, – покачал головой Ри. – Насчет мета-портала что-то нащупали?

– Издеваешься, чудовище?! – взвился Брид. – Совсем ку-ку? Чего еще мы тебе должны были нащупать за полтора часа дороги?!

– Так, хватит, – осадил его Кир. Сел на корточки, взял Брида за плечи. – Остынь. Времени полно, так что пощупаем еще. В свое удовольствие. Залезай и пошли кухню смотреть.

Он подсадил Брида к себе на плечо, и они ушли – разумеется, на выходе из комнаты Киру пришлось пригнуться, чтобы не задеть лбом слишком низкий дверной косяк.

– Начинается старая история, – проворчал Скрипач. – Фэб, хоть ты лбом в двери не вписывайся. Киру-то можно, он привычный.

– Спасибо, я как-нибудь постараюсь от этого воздержаться, – кивнул тот. – Ну что? В магазин, за едой?

– Мы втроем сходим, – предложил Ри. – Хотя в первый вечер не кошмарьте соседей. А то я сильно подозреваю, что рауф тут нечастые гости.

03. Под колпаком

Разумеется, в город Ит и Скрипач отправились в результате вдвоем.

– Черт с ними, пусть идут, – ответил Кир в ответ на замечание Фэба, что, возможно, не следовало бы вот так, с лету, сразу. – Рыжий, хулиганить не будете?

– Обязательно будем, – заверил Скрипач. – Фэб, да ладно тебе, правда. Дай молодость вспомнить. Ты вообще сам подумай – мы же не одну сотню лет отработали и...

– Скрипач, я не об этом. – Фэб замялся. – Просто мне... ну, немного неспокойно. Разумнее было бы для начала выйти всем вместе и осмотреться.

– Фигня, – отмахнулся Скрипач. – Да и выходить с тобой и с Киром... Это будет «по улицам слона водили», помнишь?

– Нет, не помню.

– Басня такая была. «По улицам слона водили, наверно, напоказ. Известно, что слоны в диковинку у нас...» – Скрипач нахмурился. – Фэб, поверь, двое рауф на улице – это будет то еще шоу. Поэтому мы вот с этим вот лучше пробежимся туда-сюда, поглядим, что и как. А вы пока дома посидите.

– Ну вот еще, – возмутился только что вышедший из ванной Ри. – Мне ты тоже предлагаешь дома посидеть?

– Тебе... – Скрипач задумался. – Сами решайте, в общем. Народ, ну правда! Ну отпустите нас! Пожалуйста...

– Глядите, рыжий даже волшебное слово вспомнил, – поддержал Ит. – Фэб, действительно. Мы не дети малые. Сам подумай, где и как мы работали. Не понимаю, почему ты сейчас паникуешь. Чуть ли какая-то.

– Хорошо. – Фэб опустил голову. – Ит, прости. Я действительно... видимо, просто до сих пор... ладно. Проехали.

– Другое дело, – покивал Скрипач. – Все, мы двинулись. Фэб, давай играть, что мы снова работаем в Официалке, вы – научная группа, а мы – как всегда, «в поле». Отчет будет к вечеру.

– Ладно, мы пока что тут пошляемся, заодно «листы» эти пресловутые купим, – согласился Ри. – Если играть в Официалку, то посмотрите в таком случае ключевые зоны. Хотя бы часть.

– По Соду? – уточнил Ит.

Ри кивнул.

– По Соду и по Терре-ноль.

– Разброс большой, – проворчал Ит. – Этак мы весь день прокатаемся.

– Ну тогда хотя бы Юг и Центр, – попросил Ри. – Три-четыре точки. Надо же хоть понять, с чем мы имеем дело.

– Понять-то надо. – Ит задумался. – Интересно, тут будет из чего сварганить хоть какие-то датчики?

– Думаю, что будет. – Ри ухмыльнулся. – Идите уже, разведчики. Позвоните, если что. Телефоны взяли?

– Нет, конечно. Спустили в унитаз, – ощерился Скрипач. – Все, чао.

* * *

– Не понимаю, – искренне недоумевал Ит, когда несколькими минутами позже они шли по улице в сторону метро. – С чего Фэбу вдруг вздумалось паниковать? Развел черт-те что, слушать стыдно было.

– Не знаю, – поморщился Скрипач. – Может, чувствует что-то?

– Что именно? – резонно спросил Ит. – Тут чувствовать нечего. Ты и сам отлично это видишь.

– Вижу, – подтвердил Скрипач. – Значит, вывод неутешительный – Фэб преждевременно попадает в маразм. А жаль.

– Да ну тебя, ей-богу...

Улица, по которой они сейчас шли, была неширокой, небольшой, но на удивление людной. Дома, стоящие на ней, были примерно такими же, как и тот, в котором находилась их квартира: многоэтажные, жилые. На первых этажах – бесчисленные магазинчики, кафе, туристические офисы. Вскоре Ит заметил, что все без исключения заведения достаточно скромные – ни яркой рекламы, ни ультрамодного дизайна. Кафе – небольшие, тоже скромные, без излишеств. В каждом имелись десяток столиков, стойка самообслуживания, рукомойники у стены.

В одно такое кафе из любопытства заглянули – купили две вполне приличные булочки с абрикосовым джемом и два стакана компота, который тут же вызвал воспоминания о Терре-ноль и столовой на аспирантском этаже: классика жанра, сухофрукты.

– Изюм не положили, – проворчал Скрипач, разглядывая стакан с компотом на просвет. – Вот жмоты, а!

– Наверно, съели сами, – предположил Ит. Откусил от булочки, задумался. – Слушай, а очень даже ничего.

– Доедай и пошли, – поторопил Скрипач. – Я еще хочу выяснить, как тут насчет мороженого...

Когда спустились в метро, Ит удивился – такого они не ждали. Метро оказалось роскошным, куда там Соду! На Терре-ноль, разумеется, никакого метро не было, да и быть не могло; подземка имела лишь в Нью-Йорке и впечатление производила весьма тягостное из-за своей неустроенности и грязи. На Соде, в Москве, метро было, но весьма убогое, без украшательства, чисто функциональное.

А тут...

Первый час они катались туда-сюда, выходя почти на каждой станции, рассматривая, восхищаясь. Это было похоже... Да на дворцы это было похоже или даже на храмы. Всюду позолота, роспись, резной камень, мозаики, барельефы. Поезда богато украшены, причем каждый по-своему. Чистота прямо-таки хирургическая, ни грязи, ни мусора, как в том же Нью-Йорке. Даже полы на каждой станции вымыты чуть не до зеркального блеска. И каждая станция – словно отдельное произведение искусства. Похожих или одинаковых не встречалось, все оказались разные.

Самые богатые станции были, разумеется, в Центре. Великолепие, прямо-таки зашкаливающее за пределы разумного. Например, Скрипач, по его собственным словам, «завис» рядом с мозаичным панно длиной метров двадцать пять и попытался сосчитать фигуры людей – сбился после сотой, мешали проходящие поезда. На другой станции они минут двадцать, не меньше, рассматривали огромную картину, расположенную в торцевой части платформы (станция имела один выход). На картине был изображен высокий мужчина с окладистой черной бородой, стоящий на кафедре перед замершим залом, полным студентов. Картина оказалась выполнена настолько искусно, что Ит потом был готов поклясться, что заметил словно бы едва уловимую тень движения...

На третьем часу оба поняли, что уже слегка ошалели от обилия колонн и мозаик и что хорошо бы, пожалуй, сделать передышку – иначе может разболеться голова. Доехали до Баррикадной (снова колонны, на этот раз из красного мрамора, два гигантских барельефа, изображающие революционные события столетней давности, сверкающие полы и золоченый поезд, называвшийся «Семьдесят пять лет от основания Рабочего Союза»), поднялись наверх.

– Уф... – Скрипач потер виски. – Ит, секунду. Сейчас мозги на место встанут.

– Надо покурить, – предложил Ит. – Я обалдел от этого изобилия.

– Не ты один, – согласился Скрипач. – Кстати, на Земле, которая из старых считок, похожее метро было, помнишь?

– Помню. Но до этого, – Ит мотнул головой в сторону здания станции, – оно явно недотягивает. Там такого апофигея все-таки не было.

– Не было. Там просто красивое метро. Но тут...

– Надо будет Ри сюда загнать, – предложил Скрипач. – Он оценит.

– Ага.

Ит вытащил сигареты, Скрипач принялся шарить по карманам в поисках зажигалки. Отошли в сторонку, закурили.

– Вы чего дымите тут?! – раздался откуда-то сбоку недовольный женский голос. – А ну идите под колпак, пока я милицию не вызвала!

– Чего? – Скрипач повернулся на голос. – Не совсем понимаю...

– Простите, мы приезжие, мы не знали, что нельзя. – Ит тут же затушил сигарету. – Куда нам идти?

Женщина нахмурилась.

– Вон, под колпак идите, – она махнула рукой куда-то в сторону. – Куряки. Дрянь!..

Скрипач пожал плечами.

– Вопросов нет. Можно было бы и спокойно сказать, – заметил он.

– Идем. – Ит тронул его за рукав. – Рыжий, не надо. Пожалуйста.

Колпак, о котором говорила женщина, обнаружился метрах в ста, за углом. Сооружение это напоминало перевернутую чашу метров в пять диаметром и три в высоту, размером примерно с автобусную остановку. Оно было оснащено чем-то типа вытяжки сверху, потому что, едва подойдя, они ощутили движение воздуха.

– Бред сивой кобылы, – констатировал Скрипач, доставая сигареты. – Это что, они так с курением борются? Убирают дым? А то, что вокруг столько машин с двигателями внутреннего сгорания, их не смущает?

– Как видишь, – хмыкнул Ит. Снова вытащил сигареты. – Мне другое интересно: если бы это были не мы, а Кир, эта тетка тоже орала бы?

– Не думаю, – отозвался Скрипач. – Киру, знаешь ли, за просто так замечание не сделаешь. У него внешность такая... внушающая уважение, скажем.

Рядом с колпаком, под которым они стояли, находился небольшой столбик, к которому зачем-то постоянно подходили люди. Подходили и нажимали на светящуюся красным сенсорную кнопку, расположенную на его вершине. Жали и шли дальше, причем на лицах у них (Ит и Скрипач к тому моменту начали удивленно переглядываться) читалось нечто очень похожее на удовлетворение – люди от столбика уходили явно с чувством выполненного долга.

– Не понимаю, – тихо проговорил Ит.

– Аналогично, – подтвердил Скрипач.

Под колпак (до этого они стояли и курили вдвоем) зашел какой-то мужчина средних лет. Простая одежда, жилетка с кучей карманов, в руках – весьма потрепанный портфель из искусственной кожи.

– День добрый, – поздоровался он. – Тепло сегодня, аж запарился... А вы чего без накладки-то?

– Простите? – нахмурился Ит.

– Черт, да где ж она. – Мужчина начал лихорадочно рыться по карманам. – Курить охота – сил нет. Сейчас, секунду...

Он вытащил откуда-то черную пластинку и ляпнул сверху на столбик. Ит и Скрипач с огромным удивлением увидели, что пластина эта оказалась накладкой, в точности имитирующей вершину столбика с сенсорной красной кнопкой.

– Потыкайте у меня, потыкайте, – проворчал мужчина. – Рожи протокольные...

Он вытащил сигареты, прикурил. К кнопке тут же подошла женщина средних лет и ударила по ней ладонью. Мужчина ухмыльнулся.

– Давай-давай, – подбодрил он. – Еще разок нажми на всякий случай.

Женщина зло глянула на него и пошла прочь.

– Извините, мы не местные, – осторожно начал Ит. – Что это такое? – Он посмотрел на столбик.

– А, не местные? – сообразил тот. – Не знаете?

– Ну да, – покивал Скрипач. – Мы не из Москвы. Мы вообще, если честно, по обмену...

– Ну и как там, на других планетах? – мужчина рассмеялся. – Читал, читал. Наслышан.

– На других нормально, лучше всех, – заверил Ит. – Так все-таки...

– Эта вот хреновина – порицалка. Они, когда нажимают, понижают статус нам. Социальный. Десять нажатий – и минус процент от зарплаты, – пояснил мужчина. У Скрипача глаза медленно полезли на лоб. – Вот и прикиньте, если бы не накладочка, чего бы я жрал-то? А так – хоть обтыкайся, ничего не будет. Вы такую тоже купите, вещь полезная.

– А где это продается? – с интересом спросил Ит.

– По клубешникам пошуйте. Их в центре много. Она считается... ну, это. Как приколы. За нее на принудиловку не поставят.

– Куда не поставят? – удивился Ит.

– На принудительные работы. И вы того... поосторожнее с сигаретами, – предупредил мужчина. – Нарветесь на зомби, не отобьетесь.

– На кого нарвемся? – опешил Скрипач.

– На зомби. Команды ЗОМБ – Здоровый Образ Морального Бытия, – объяснил мужчина. – Твари тупые, сил никаких нет. Сытые, сучата, кормленные и с открытым доверием. Могут в морду дать, и ничего им за это не будет. Потому что они типа нас от самих себя охраняют.

– Спасибо, – улыбнулся Скрипач.

– Да не за что, – мужчина тоже улыбнулся в ответ. – Если что, найдите меня – в Списках Мира я Алексей Маслов. Московский, не перепутайте с тезкой из Владимира. Сорок три года.

– Найдем, – пообещал Скрипач. – Нас, к сожалению, в этих списках нет...

– Может, это и к счастью, – пожал плечами мужчина. – Ладно. До связи, мужики.

* * *

– Круто, – одобрил Скрипач. – Ну что? Пойдем покупать накладку?

– А точки посмотреть? – напомнил Ит.

– Ммм... ну ладно. Сначала точки, а потом поищем клуб, хорошо?

– А ты пешком пройтись не хочешь? – Ит задумался. – Что-то у меня появилось желание посмотреть на этот театр абсурда поближе.

– Можно, – одобрил Скрипач. – Заодно для Бертика какой-нибудь подарок поглядим.

– Лучший подарок для Бертика – это характеристики местной линзы, – наставительно ответил Ит. – Хотя, если мелочь какую-нибудь купить... в общем, по обстоятельствам. Слушай, – он повернулся к Скрипачу. – У тебя нет ощущения... странно как-то. Голова совершенно дурная. Словно я или пил что-то накануне, или ночь не спал. Нет у тебя такого?

Скрипач задумался.

– Пожалуй, есть, – согласился он. – И еще мне немножко не по себе почему-то.

– А еще у меня очень четкое ощущение, что это все я уже видел раньше. – Ит прикусил губу. – Помнишь, как мы фотографии проявляли?

– Угу.

– словно это все – фотография, фотобумага, которая проявляется, и вот-вот появится изображение, и...

– Ит, подожди, – попросил Скрипач. – Твоя паранойя – штука, конечно, полезная, но не до такой же степени. Ты можешь конкретнее?

– Не могу, – признался Ит после почти минутного молчания. – Хоть убей, не могу. Может быть, позже получится. Ну что? Сейчас идем на Котельническую, потом едем на Балаклавский, потом можно заглянуть в Царицыно.

– Может, парк Павлика Морозова посмотрим? – резонно предложил Скрипач. – Две минуты ходу.

– У нас там точки не существовало, – напомнил Ит.

– В счетах по Земле она есть.

– Знать бы еще, что это за Земля такая и где она вообще...

* * *

Парка не существовало. На его месте находились какие-то офисные здания, преимущественно старые и весьма обшарпанные. Зона тут располагалась явно не туристическая, и, чтобы попасть внутрь, требовался пропуск. Скрипач хотел было проскочить эту зону в ускоренном режиме и посмотреть, что там и как, но Ит не позволил – ощущение неправильности и нелогичности того, что они сейчас видели, у него за последние минуты почему-то усилилось. Словно...

– Рыжий, идем отсюда, – попросил он. – Мне не нравится это место.

– Почему? – опешил Скрипач.

– Не знаю. Не нравится, и все тут.

– Эти офисы?

Ит задумался. Огляделся.

– Пожалуй, не офисы, а дома, которые за ними, – ответил он. – Вон тот дом, который в форме буквы «П», видишь?

Дом, о котором говорил Ит, стоял на берегу реки, и сейчас они могли различить лишь его угол, обращенный к ним, все остальное перекрывали офисные здания.

– Почему ты решил, что оно в форме «П»? – удивился Скрипач. – Ни хрена же не видно.

– Потому что я помню, что оно в форме «П», и не спорь. – Ит нахмурился еще сильнее. – Дома... черт, прости. На Терре-ноль оно было такое же. И на Земле. Забыл?

– Ах да... – Скрипач потер висок. – Точно! Мы же сто раз мимо него на лодке проходили, когда к Томанову домой мотались. Извини, я что-то туплю.

– Оно и видно, что тупишь. Пошли. – Ит дернул плечом. – Рыжий, последний раз прошу, идем отсюда. Пожалуйста.

– Да иду я, иду, – проворчал тот в ответ. – Что делать будем с этим местом?

– Смотреть. – Ит поморщился. – Но все вместе. Интересно, что скажут мелкие...

– Тринадцатый прочтет коротенькую лекцию на часок о зонах сопряжения реальностей, а Брид сделает умную морду и начнет загадывать идиотские загадки, – криво усмехнулся Скрипач. – А потом мы снимем характеристики и гений сделает какой-нибудь очередной неожиданный вывод, который потом в пух и прах разнесет Берта.

– Обожаю свое семейство, – подытожил Ит. – Умные все такие, сил нет.

– Ах да. Фэб, разумеется, помолится, а Кир решит, что хочет посчитать что-то, и, как всегда, впадает в расчет какую-нибудь ошибку... которую ты потом будешь пересчитывать.

– Ой, перестань, – рассердился Ит. – Так. У метро я видел магазин с электроникой. Надо будет заглянуть и посмотреть, может ли нам что-то пригодиться из того, что там продается.

* * *

В магазине разжились парой навигаторов, на редкость неудобным «листом» (который на проверку не сильно отличался от планшетников, бывших в ходу на Соде, разве что матрицу имел гибкую да аккумулятор получше) и парой игрушечных раций, которые Скрипач назвал «единственным стоящим приобретением». Через час они остановились передохнуть в каком-то дворе, сели на лавку, разобрали рации и поняли, что после совсем небольшой доводки из «приобретения» можно сделать вполне достойные агрегаты.

– Ну, нам они, скорее всего, не понадобятся, а вот Ри и мелким – очень даже, – удовлетворенно заметил Скрипач. – Хорошо, что маленькие. И легкие. Тот же Брид в свой рюкзак запросто положит и унесет, если нужно будет.

– Плохо то, что тут запрещено использовать нормальные коммуникаторы, – печально вздохнул Ит. – Вообще, Ри прав. Мы действительно распустились на Окисте. Безнаказанность и вседозволенность...

– Отвянь, достал уже нытьем.

...Высотка на Котельнической, к их вящей радости, оказалась на своем месте – точно так же, как и на Соде, она была жилым домом для очень богатых людей. На берегах Яузы тут располагался большой и ухоженный парк, изобилующий лавочками, полянками, детскими площадками и цветниками. Колпаков, как успел заметить Ит, в парке не было – некурящая зона. Единственный колпак обнаружился на берегу Москвы-реки, на месте пристани. Под ним стояли четверо молодых людей, которые при приближении Ита и Скрипача тут же затушили сигареты и спешно направились по набережной прочь.

– У них, видимо, нет накладки, – догадался Скрипач. – Они решили, что мы их сейчас того... будем порицать. Ты ведь именно это хотел сделать, Ит?

– Конечно, – кивнул тот. – Всю ночь, понимаешь, до этого спал и видел, как буду днем гоняться за куращими по городу.

– Не умеешь ты шутить, – констатировал Скрипач. – И никогда не умел. А знаешь почему?

– Ну?

– Потому что ты унылое и пошлое существо.

– Да пошел ты...

Покурив, направились к высотке – Ит решил, что надо посмотреть холл, а точнее – картину в плафоне, которая очень ему нравилась. Скрипач (исключительно для практики, никакого криминала!) отвел глаза охране, и они вошли.

Плафон был на месте.

А вот картина...

– Это еще что такое? – Ит недоуменно смотрел на потолок. – Опять эта рожа...

– Ничего не понимаю. А где дети с самолетиком?

В плафоне, подсвеченном невидимыми лампами, знакомой картины не было. Была другая: чернобородое лицо с непроницаемым тяжелым взглядом на фоне багряного заката.

– Да, действительно, это тот же мужик, что был на картине в метро, – сообщил очевидное Скрипач. – И очень плохо, надо сказать. Тут ему совершенно не место.

Ит явно расстроился.

– Жалко, – сказал он тихо. – Я надеялся... Черт, извини, рыжий. Вот до сих пор иногда хочется прийти домой и увидеть... их. Помнишь – дождь на улице, осень, слякоть, а потом – входишь в холл, идешь к лифту, поднимаешь глаза – и видишь это синее небо. И на душе легче становится.

– Что вы тут делаете? – раздался чей-то голос из-за их спин. – Вы как сюда вошли?

Вот тебе и потеря класса из-за отсутствия практики...

– Простите, мы туристы, зашли посмотреть здание, – тут же нашелся Скрипач. – А что, нельзя?

Пожилая женщина в строгом форменном костюме подошла к ним ближе.

– Нельзя, – строго сказал она. – Это здание – частная собственность.

– Очень жалко, – поник Скрипач. – Простите, мы сейчас уйдем. Можно только один вопрос? Про этот дом?

– Хорошо. – Женщина неожиданно улыбнулась. – Кажется, я догадываюсь какой.

– И какой же? – с интересом спросил Ит.

– Вы хотите спросить о плафоне. Почему там лицо академика Макеева, а не дети. Ведь так?

Ит и Скрипач пораженно переглянулись.

– Ну да, – кивнул Ит.

– В путеводителе написано, что тут дети, а вместо них академик. Молодые люди, путеводитель надо читать внимательнее, – наставительно сказала женщина. – В примечаниях есть пометка: картина с детьми была сначала скопирована, а потом записана. Писал портрет академика в годовщину его смерти художник Арченко, пятьдесят два года назад. Обратите внимание на перспективу – практически нет искажений при взгляде снизу. Арченко довольно удачно копировал стиль Гирландайо, роспись выполнена в технике росписи Сикстинской капеллы. Небо, конечно, Арченко писал в другой стилистике...

Она вдруг замолчала, словно опомнившись.

– Спасибо, – вежливо сказал Скрипач. – Мы будем внимательнее.

– Идите, молодые люди. А на выходе скажите охране, что были у Марии Павловны – это я и есть. Их, небось, не было, когда вы заходили?

Ит кивнул.

– Дымили на набережной, значит, – заключила женщина. – Вояки... все, дорогие туристы. Всего наилучшего.

* * *

– Надо будет посмотреть, что это за Макеев такой. – Ит брел рядом со Скрипачом, все замедляя шаг. – В метро он, в высотке он. К чему бы это, как думаешь?

– Ни к чему, судя по тому, что он больше чем полвека как помер, – пожал плечами Скрипач. – Судя по всему, какой-то политический деятель. Идейный. Не вижу в этом ничего особенного. Та же Терра-ноль до сих пор Лениным завешана тут и там, а он умер больше двухсот лет назад.

– Уже трехсот, – поправил Ит.

– Ну тем более, – согласился Скрипач. – Спорный был товарищ, что говорить. Идеи хорошие, вот только осуществление подкачало.

– Понимаешь, я еще со времен госпожи Марии Ральдо на эти вещи посматриваю с опаской, – признался Ит. – Если та сумела захватить энергию секторальной станции, то, может, и эти что-то подобное делали?

– Не думаю, – покачал головой Скрипач. – Смотри сам. Мария была вообще единичным случаем. Да и ненадолго ее хватило. Даже если бы не я, она все равно довольно быстро постарела бы, подурнела и стала никому не нужна. Впрочем, и в молодящемся недурном виде она тоже особым спросом не пользуется.

– Мы этого не знаем. – Ит остановился. – Может, и пользуется.

– Ну и хрен бы с ней. Ленин... если историю вспомнить, умер он рано.

– Это да. В пятьдесят четыре года всего лишь, – подтвердил Ит. – Я довольно много читал о нем. Так вот что интересно. Все современники в один голос утверждают, что он был очень непривлекательным, но при этом харизматичным настолько, что за ним без колебания шел любой и не задумывался. По мне, так это очень похоже на...

– Нет, не похоже, – упрямо возразил Скрипач. – Мариа и Ульянов – это явления разного порядка.

– Надо будет у Ри спросить, что он про это думает, – предложил Ит.

– Спросим, – согласился Скрипач. – А знаешь, что интересно?

– Что?

– На Соде этого не было.

– Чего не было? – не понял Ит.

– А вот того, что тут или на Терре-ноль. Вот этих вот... личностей мирового масштаба.

– Мы просто не думали про это и не обращали внимания. – Ит потер подбородок. – Слушай, вот хоть убей, а мне опять хочется курить.

– Ит, это будет уже пятая сигарета за день, – напомнил Скрипач. – Кто-то, кажется, обещал Фэбу, что не будет травиться так часто.

– Ну да, обещал. Воздух здешний, что ли, так действует? – Ит печально вздохнул. – Ладно, не будем. Пошли, рыжий, нам через полгорода ехать.

* * *

После Балаклавки, которая разочаровала и расстроила, отправились снова в Центр, искать клуб. На Балаклавский проспект решили потом тоже съездить компанией – картина, которую они там увидели, требовала детального анализа.

Портал – был. Вот только «читался» он совсем не так, как на той же Терре. Мало того, на месте портала стояли во множестве жилые дома, и от того, как они выглядели, Иту и Скрипачу стало не по себе.

Чертаново, конечно, не было окраиной, но дома от тех, что стояли в Центре, отличались разительно. Ит обратил внимание на то, как выглядели окна, Скрипач тут же предложил заглянуть в какой-нибудь подъезд – пробежались, посмотрели.

Лучше бы не смотрели...

– Детские комнаты, значит, – Скрипач скривился. – И по три ребенка на семью, в обязательном порядке. Сколько народу живет в Москве, ты посмотрел?

– Два года назад жило пятьдесят миллионов. – Ит встряхнул «лист», картинка сменилась. – Какой дебил делал эту систему, а?.. Жило пятьдесят, сейчас, по всей видимости, стало еще больше.

– Шикарно. – Скрипач осуждающе покачал головой. – Как там было в рекламе? Детская «Идеал», да?

– Угу, – мрачно кивнул Ит. – Двухэтажная кровать, совмещенная с тренировочным комплексом, и «уютная колыбелька для вашего младенчика». Рыжий, у тебя нет ощущения, что тут кто-то рехнулся?..

– Есть, – пожал плечами Скрипач. – С учетом того, что в городе живет пятьдесят миллионов человек – еще как есть. Слушай, у меня ощущение, что голова уже грязная, а ведь я ее утром мыл, – пожаловался он.

– Ага, словно какая-то липкая и жирная пленка, – покивал Ит. – А что ты хочешь? Город перенаселен совершенно безобразно, и я не понимаю, для чего нужна эта политика.

– Какая именно? – не понял Скрипач.

– Рожать по три ребенка. Им детей не жалко, что ли? Это же издевательство, причем над этими самыми детьми.

– Чем-то это должно быть обусловлено. – Скрипач задумался. – Вечерком почитаем.

– Почитаем, куда денемся. Культ какой-то. – Ит скривился. – Разве такая жизнь – это нормальные условия? У Маден в распоряжении был весь дом и здоровенный сад, а мы с тобой еще сокрушались, что мало ее вывозим... Море, компании, другие ребятишки. Слушай, мне дурно делается от мысли, что... если бы она так росла, в такой конуре с двухэтажной кроватью, я бы руку себе отрезал, чтобы это изменить!

– Условия миров пребывания, – ехидно напомнил Скрипач.

– Ой да иди ты! – обозлился Ит. – Сам не видишь, что ли? Тупое тетешканье в той же рекламе, вяканье в местной сети – мол, дети, дети. А на деле – какая-то гребаная звероферма с клетушками, двухэтажными кроватями и пластмассовыми детскими площадками. Черт, тут даже хуже, чем на Онипрее!

– Оно верно, – кивнул Скрипач. – Там хоть места было побольше. Слушай, – он повернулся к Иту, – а что Володя говорил, помнишь? Что его жену наказали за то, что...

– За то, что она отказалась рожать в восемнадцать лет. – Ит тоже остановился. – Надо будет про это посмотреть. Странный закон, тебе не кажется? Это же индивидуальное дело, все созревают по-разному, для кого-то и в двадцать пять рано, а для кого-то в семнадцать будет в самый раз.

– Именно. Что-то я все больше радуюсь тому, что мы оставили дома Бертика и Джесс. Им бы тут не понравилось.

– Бертику, думаю, было бы по фигу, а вот Джессике такое сейчас видеть лучше не надо, – согласился Ит. – Интересно, на кого мелкий будет похож?

– На гения, как мне кажется. – Скрипач хмыкнул. – У гения сильные гены, прости за тавтологию. Так что лет через десять двое черноволосых и синеглазых будут нам читать лекции в режиме стерео. С двух сторон.

– Ничего, нам не привыкать...

Поскольку дело шло к вечеру, в метро народу прибыло, и стало, мягко говоря, тесно. Если точнее, началась самая настоящая давка. Красота «подземной Москвы» очень быстро отступила на второй план, главной задачей оказалось не потерять друг друга в толпе. Рыжий через полчаса такой езды обозлился и заявил, что «сейчас пойдет по головам», Ит на него шикнул – веди себя прилично, мол, не выпендривайся, потом они еще минут двадцать тряслись в переполненном вагоне, потом проходили через рассекатели (человеческие реки тут направляли с помощью специальных мобильных загоронок, Скрипачу тут же пришло на ум сравнение с овечьим стадом), и потом, потные и потрепанные, они очутились наконец на улице.

– Нет, ну твою ж мать!.. – рыжий раздраженно одернул сбившуюся рубашку. – Какие, на хрен, три ребенка в семью, когда тут такое!..

– Окстись, – поморщился Ит. – В столицах конгломератов третьего-четвертого уровня и по двести миллионов живет.

– Ты сравнил! Очнись, дорогой!.. Там большая часть жителей или дома работает, или сообщение сделано так, что все едут сидя и при этом спокойно новости читают или в игрушки режутся! Чего ты вообще говоришь, а?! – Скрипач раздраженно засопел.

– Я говорю тебе то же самое, что скажет Ри двумя часами позже, – дернул плечом Ит. – Когда ты ему расскажешь про давку в транспорте, он тебе заявит, что это не показатель. И будет прав. Потому что это действительно не показатель.

Сейчас они стояли рядом со станцией метро «Чистые пруды» и пытались как-то привести себя в относительный порядок. Народу тут было поменьше, видимо, основной поток закончивших работу людей уже разъехался. Неподалеку от входа Скрипач заметил очередной колпак – собрались было покурить, но обнаружили, что к колпаку... выстроилась изрядная очередь. Подошли.

– Долго стоять-то? – полюбопытствовал Скрипач у какой-то женщины.

– Минут пятнадцать, – недовольным голосом ответила она. – Озверели «зомби»! Сколько лет просим второй колпак поставить, и ни в какую.

– Сударыня, а вы не подскажите, где тут клуб поблизости? – Ит улыбнулся. – Нам бы накладочку новую купить. Сломалась наша...

– Идите вниз по бульвару, второй переулок налево. – Женщина понизила голос. – Пройдете четыре дома, дальше – под арку, направо. Дверь зеленого цвета, слева, сразу после арки. Они без пароля работают, оплата почасовая.

– Спасибо, – улыбнулся Скрипач. – А курить там можно?

– Нет, конечно. Но народ как-то выкручивается. Там спросите... Эй, в начале, поторопите там! Потрепаться дома можно, надоело стоять! – женщина отвернулась от них. – Ну сколько можно, не одни, освобождайте места!

...Клуб нашли быстро, оказалось, что идти всего ничего. Располагался он в полуподвале старого и весьма потрепанного дома. Ит тут же вспомнил подобные места на Онипрее, а Скрипач – полупрозрачное кафе «Александр Третий» на Таганке в Москве Терры-ноль. Но, как выяснилось минутой спустя, сходство ограничивалось разве что местоположением.

Перед входом, у порога, находилась маленькая обшарпанная стойка из полупрозрачного пластика, за которой сидел парень лет двадцати, одетый в белую несвежую майку и разноцветные шорты. При их появлении он поднял голову – и они оба тут же поняли, что парень либо накануне хорошо выпил, либо под кайфом.

Уже интересно...

– Оплата почасовая, – предупредил парень. – Сок и чай включены. Конфеты включены. Еду можно приносить с собой. Курение запрещено.

– А спиртное? – с интересом спросил Скрипач. Ит незаметно ткнул его кулаком в бок.

– Запрещено, – с явным сожалением ответил тот. – Курение тоже запрещено, но... можно договориться.

– Сколько? – тут же спросил Ит.

– Плюс сто, оплата на выходе.

– Мы можем авансом, – предложил Ит.

– Нельзя, – тяжело вздохнул парень. – Говорю же, оплата на выходе. Возьмите карточки. Первый час – по три за минуту, последующие – по два за минуту. Приятного отдыха.

– Спасибо. – Скрипач взял со стойки две пластиковые замызганные карты. – А где курят?

– На кухне и во внутреннем дворе. – Парень мотнул головой куда-то в сторону. – До двадцати одного года запрещено.

– Нам больше, – заверил Скрипач. – Уважаемый, а накладочку купить можно у вас?

– Найдите Димку, – посоветовал тот. – Он такой... ну, толстый, в общем. В синей рубашке.

– Ага. – Ит на секунду задумался. – Не скажете, а паяльник через него тоже можно достать?

– Только микрики. – Парень утомленно прикрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. – Проходите, добро пожаловать.

– Добро так добро, – покладисто согласился Ит.

* * *

На кухне, несмотря на полуоткрытое окно, можно было вешать топор – они спешно покурили и сбежали. И так влетит от Фэба за прокуренную одежду... нет, не совсем верно. От Фэба влететь не могло, а вот сокрушаться и печалиться он бы стал обязательно. Кухня оказалась маленькой, и курило в ней человек десять одновременно.

После кухни пошли в общий зал: шаткие заляпанные столы, колченогие стулья тут и там, в углу – подобие сцены, невысокий подиум, сколоченный из необструганных досок. В зале царил полумрак – окна закрывали горизонтальные пыльные жалюзи – и пахло чем-то странным, сперва они даже не поняли, что это за запах, но когда поняли...

– Крысы, – с огромным удивлением сказал Ит. – Слушай, тут пахнет крысами. Ничего себе!

– Обалдеть, – подтвердил Скрипач. – Ну и местечко.

– Рыжий, мне чего-то все страньше и страньше. – Ит нахмурился. – Ты ведь помнишь... ну, насчет крыс. Организмы-датчики, сверхвыносливые, адаптируются практически ко всему, мало того, некоторые подвиды даже пол менять способны в процессе жизни, а еще они обладают уникальным чутьем к опасности. Ты заметил, что в метро ими не пахло вовсе?

– Да? – Скрипач задумался. – Хотя ты действительно прав. Не пахло. Там почему-то вообще ничем живым почти не пахло.

– Несмотря на толпы. Так вот, крысы, если ты помнишь, опасность способны предвидеть, и если она существует – они уходят. Всей колонией. И что может значить то, что тут их запах есть, как ты думаешь?

– Что это место безопасно? – удивленно произнес Скрипач. – Так... это значит, что другие...

– Ну да. – Ит кивнул. – Кажется, мы угодили на корабль, который тонет.

– И мне тут все меньше и меньше нравится, – подтвердил Скрипач.

Сейчас они сидели в углу зала, неподалеку от сцены-подиума. Рыжий притащил две чашки какого-то непонятного чая, потом снова ушел и вернулся с горстью конфет монпансье, которые они, переглянувшись, отправили в чай вместо отсутствующего сахара. Народу в зале было порядочно, в уголке кто-то играл на варгане, из другого угла слышался девичий смех и гитарное треньканье. Сидела в зале в основном молодежь, лет от шестнадцати и до двадцати пяти максимум.

Ит и Скрипач украдкой оглядывались. Довольно интересное место, надо признать. По стенам – разномастные картины, наброски. Из-под потолка свисают обрывки цепей, а сам потолок оклеен местами серебристой бумагой. Над входной дверью, кажется, икона, вот только потемнела она настолько, что не разобрать, чей лик на ней.

А на сцене...

*Мы говорим на разных языках.
Вокруг мы видим разные картины.
Что отражается в твоих глазах?
Крутые тачки, модные витрины,
Неона свет столичных авеню,
Как призрак жизни яркой и блестящей.
А я реальность вижу в стиле ню,
Как этот пес, бездомный и смердящий.
Как бабушка с протянутой рукой,
Которой горько и безмерно стыдно
За стерву жизнь. За всех. За нас с тобой.
За тех, кому с вершины слез не видно.
Мы говорим на разных языках.
Мне жаль. Но эту данность не изменишь.
Ты хоть во сне витаешь в облаках?
Смеешься звездам? Слепо в чудо веришь?
Считаешь, что отдать важней, чем взять?*

*Увы... Но не испытывай сомнений.
Нет, я не псих. Мне просто тошно лгать.
Прощай. Мы люди разных измерений.*

(Стихотворение Ирины Лукониной)

Они оба, не сговариваясь, обернулись на голос.

На сцене сейчас стоял стул, а на стуле сидела девушка. Невысокая, сгорбленная, худая, как щепка. Волосы забраны в хвостик, мешковатый свитер, который ей велик на пару размеров, висит на худеньких плечах, как на вешалке. Она просто сидела на стуле и просто читала стихи, от которых и Скрипача и Ита мороз пробрал по коже.

Зал не обращал на нее внимания. Впрочем, и она на зал – тоже. Она смотрела куда-то в угол, в самый темный угол, словно в зале в тот момент не было никого, и вообще в этом мире не было никого, и если она с кем и говорила в тот момент, так это с собственной тенью в этом углу.

Дочитав, она пару минут посидела, все так же отрешенно, затем встала. Как-то странно встала, неловко. И осталась стоять.

Раздались жидкие хлопки – оказывается, ее все-таки кто-то заметил.

– Молодец, Ветка! – похвалил какой-то парень. – А про что стихи-то были? Про природу?

– Ага. – Она, несколько не смутившись и не обидевшись, покладисто кивнула. – Про природу, Петь. Про облака.

– Ну, круто, – одобрил парень. – Дайте гитарку, люди!

– «Ключ» давай! – потребовал кто-то.

– Дебилы, – раздался раздраженный мужской голос откуда-то сзади. – «Ключ». Задолбали уже за сорок лет «ключом» этим.

– Дим, не ругайся, – попросил в ответ голос, принадлежавший явно совсем молодой девушке.

– Завали хлебало, свиноматка малолетняя, – приказал мужчина. – Знаю я вас. Поорете «ключ», типа вы крутые и свободные, а потом через два года смотришь – все, сдулись. Колясочка, няшечка, глазки тупенькие, пустенькие, на квартиру кредит, на машину кредит, работа, потом вторая няшечка подваливает, и... и где эта ваша свобода, про которую вы орали? Нету! Не-ту-ти вашей свободы! Вы уже все. Добровольно повязаны по самые сиськи. Чего, Натуся-тутуся, не так?

– Дети – это самое главное... – несмело начала девушка.

Мужчина расхохотался.

– Дура, – ласково ответил он. – Главное, главное. Вали давай к своим, красота моя ненаглядная.

– Так ты накладочку мне продашь?

– В жопу пошла отсюда, – строго приказал мужчина. – Курить вздумала? Забудь. Тебе еще рожать. Накладочку ей, семнадцатилетней дебилке. Чего встала?! Вали, сказал! Не продам!

– Ну Дим...

– Не «ну Дим», а пошла отсюда на хрен! – рявкнул мужчина.

Скрипач с интересом обернулся. Ит тоже.

За соседним столом сидел грузный потный мужчина в синей полинялой рубашке. На лице его явственно читалось недовольство, смешанное с отвращением. Осуждающе покачивая головой, он отпил сока из пластиковой бутылки и вытер рукавом рот.

– Накладочку ей, – раздраженно повторил он. – Разбежалась...

– А нам продадите? – небрежно спросил Скрипач.

Мужчина окинул их цепким взглядом.

– Нездешние, что ли? – проницательно спросил он.

– Типа того, – обтекаемо ответил Ит.
– Рауф, – прищурился мужчина. – Только странные малька.
– Ого. – Ит посмотрел на него с уважением. – Как вы поняли?
– Работал на Терре-ноль, в обменной программе, шестнадцать лет назад. – Мужчина хмыкнул. – Вашу шатию-братию узнаю на раз.
– Как именно? – подался вперед Скрипач.
– Двигаетесь иначе, – пояснил тот. – А чего к нам занесло?
– В университет, тоже по обмену. Лекции читать, градации Сонма, – честно ответил Ит. – И по вышке, но это не мы, это коллега.
– Ведро с собой прихватите в универ, – со смешком посоветовал мужчина.
– Зачем? – Скрипач удивленно поднял брови.
– Чтобы было куда блевать, – пояснил тот невозмутимо. – Вон, видите деток? Хорошие детки?
– Да ничего вроде бы, – осторожно ответил Ит. – Дети как дети. Подростки. Хорошо одеты, жизнью довольны.
– Вот-вот, – поддакнул мужчина. – Именно что довольны. По самые яйца. А вы братья? – с интересом спросил он.
– Не совсем. Род один. Братья мы по первому браку, – пояснил Скрипач. – Потом... мы больше по работе.
– Модификаты?
– Угу. По-моему, это очевидно.
– А зачем?
– Мы женаты на человеческой женщине.
– Ого! Серьезно?! Оба?!
– И эта информация повергла нашего нового друга в шок. – Скрипач расхохотался. – Да, оба. И уже много лет. И все довольны.
– И она тоже? – удивился мужчина.
– И она тоже, – невозмутимо подтвердил Скрипач. – А вы на Терре-ноль где работали?
– Ливия, Дерна, – охотно ответил тот. – Говняное местечко, надо сказать. Пустыня, пылица, грязища... Арабы. Я по технике шел, так даже наше дерьмо там за манну небесную считалось.
– Это программа Терра-ноль – Сод – Апрей? – уточнил Ит.
– Она самая, чтоб ее черти взяли. Меня, кстати, Димой зовут. – Он протянул Иту руку. – Но для своих лучше по-старому, как привык. Джимми. Или Джим. Лучше Джим.
– Почему – Джимми? – любопытно спросил Скрипач.
– Потому что переводится как «отмычка» и на Диму похоже, – пояснил тот. – Это в шестнадцать лет еще... неважно. Так вы чего, накладку хотели?
– Ее самую, – кивнул Ит. – Только нам надо три.
– Четыре, – поправил Скрипач. – Можно даже пять, с запасом.
– Четыре у меня точно есть. – Дима вытащил из-под стола объемистый пакет и принялся в нем рыться. – А вот пять... не знаю. Так, они по двести пятьдесят, предупреждаю сразу. Батарейка съемная, можно заменить. Батарейки нужны?
– Давай. А чего у тебя еще интересного есть? – Скрипач прищурился.
– До фиги всего. Пошли на кухню, а то молодь эта сейчас будет тут zenки пялить. – Он недовольно зыркнул в сторону зала. – «Ключ» они поют. Смешно, блин.
– А что за «ключ» такой? – Ит встал, Скрипач поднялся следом.
– Да песня, старая очень, про сломанный ключ и про свободу, – пояснил Дима, тоже вставая. – Какая им свобода, чего они в ней понимают? И эти, – он мотнул головой, – они еще

не самые худшие. У них хоть что-то в мозгах шевелится. А другие... – он сплюнул. – Других вы сами в универе посмотрите. И про ведро я не шучу, мужики. Ведро вам будет в самый раз.

На кухне они заняли угловой стол у окна и принялись знакомиться с содержимым пакета. У Димы в заглазнике нашлось много всего интересного: в результате они купили и паяльники, и пять накладок, и парочку зонтиков, с виду совершенно обычных, но с очень неплохой «начинкой» (зонтики умели экранировать), и шагомеры-корректоры – попутно узнали, что существует, например, программа защиты детей «Под крылом», позволяющая следить за перемещениями ребенка по городу... Вот только не всем детям это нравится.

– Ну да, ну да, подлец я, – хихикнул Дима. – Детей от родителей отвращаю, «свободой» торгую. На самом деле не свобода это. Так, иллюзия. Они все с рождения повязаны. Таких, как та же Ветка, считай, уже и не осталось почти.

– Это та девушка, которая читала стихи? – уточнил Ит.

– Она самая, – покивал Дима. – Хороша деваха. И стихи замечательные. Вот только читает она их в пустоту. Потому что слушать некому. Да еще и покалеченная она, Ветка, вот и... – Он безнадежно махнул рукой. – Ей даже сюда приехать, и то подвиг. Двадцать один год девке, инвалид, зарплата грошовая, а сейчас вон еще один налог впаять собираются, на бездетность, – так у нее денег не останется, чтобы даже сюда... Будет углам свои стихи читать, бедолага.

– Хорошие стихи. – Скрипач задумался. – Может, помочь ей? Ну, денег дать?

– Не возьмет, – отрицательно покачал головой Дима. – Гордая – жуть! Думаете, я не пробовал? Четыре года смотрю на нее, душа обрывается. Дома у нее сто раз бывал... нищета страшная. Но при этом, мужики, замечу вам – чисто прямо до стерильности! У нее квартирка – разделенка, из бывшей большой, сейчас там три семьи. У нее самой – комната-студия, это которая с душем возле кухонной раковины. Ну, как бездетным дают обычно. Ни пылинки! Ни соринки! Все постирано, поглажено, протерто. А она ходит с трудом, бедолага, как только с уборкой да стиркой справляется.

– Жениться вам надо, барин, – усмехнулся Скрипач.

– На ком? На ней?.. Да она близко меня к себе не подпустит, ты чего! Говорю же, гордая. И потом, если жениться, то это ж надо как-то видеть ее... ну, на голяк. А у нее спина в корсете и ноги не ходят. Разве она кому покажет? Так что тут и думать не о чем.

– Да, дела, – протянул Скрипач. – Почему она инвалид, кстати?

– Черт ее знает, – пожал плечами Дима. – Не говорит.

Еще несколько минут они рылись в пакете, а когда наконец отвлеклись, обнаружили, что Ветка, оказывается, сидит неподалеку, у мойки, и тоже курит, глядя невидящим взглядом куда-то в пространство.

– Спасибо вам за стихи, – улыбнулся ей Ит.

Она скользнула по нему рассеянным взглядом.

– Не за что. Кому они нужны, эти стихи... о природе. – Она усмехнулась, бросила недокурную сигарету в раковину, поднялась, опираясь о стену, и медленно вышла.

– Видали? – хмуро спросил Дима.

– Видали, Джим, – отозвался Скрипач. – Тебя тут потом можно будет найти?

– Можно, – ответил тот, глядя на закрывшуюся дверь. – И меня можно, и ее можно. Заходите, если что.

– Зайдем, – пообещал Ит.

04. Аппликация на живых мозгах

– ...даже на фоне того, что рассказали вы. Апофигей, говорю же! – Ри треснул по столу кулаком. – Ит, ваше вчерашнее просто меркнет по сравнению с нашим сегодняшним, согласись.

– Меркнет, – покладисто кивнул Ит. – Если ты не забыл, мы сегодня тоже читали лекции...

– И что ты скажешь про это все?

– Ммм... – Ит задумался. – Скажу, что надо вызывать Володю и остальных и требовать объяснений. Потому что мы, как мне кажется, влипли.

– Мне тоже так кажется, – подтвердил Кир. Фэб согласно кивнул. – Я эти колпаки хочу надевать на головы тем, кто их ставит!

– Кирушка, это мелочи, – поморщился Скрипач. – Какие колпаки, когда с мозгами такое! И потом, у меня лично в голове не укладывается, как можно сидеть в аудитории с голой грудью и кормить ребенка, делая при этом вид, что слушаешь лекцию. И это, замечу, еще не самые худшие, как я понял. Что это вообще за хренотень?!

– Рыжий, ты ерунду мелешь! – рявкнул Ит. – При чем тут это?! Они думать не умеют, не могут! Они же вообще не думают! А когда пытаешься донести до их мозгов хоть что-то, они отворачиваются и делают вид, что ничего не происходит! Или, что еще хуже, просто бегут! Бегут!!! У меня с лекции четверо ушли – и даже не имел права их остановить!.. Что Ри, что я – мы преподавали до этого много лет, но никогда, слышите, никогда...

– Да, я никогда не читал перед аудиторией, в которой сидит овечье стадо!!! – Судя по тону, Ри вышел из себя уже окончательно. – Миров мы перевидали – не приведи господь никому, но такого я даже в страшном сне представить себе не мог! «У нас тут что-то не так», – передразнил он отсутствующего Володю. – Это называется – не так?! В общем, вот что, мужики. Прежний план лекций отменяем.

– Что предлагаешь? – поднял голову Фэб.

– Тестирование для начала. Надо постараться понять, насколько далеко зашел процесс. Далее... надо будет смотаться в США и посмотреть картину там. Если там такое же...

– Подозреваю, что там хуже, – заметил Скрипач. – Хотя посмотреть в любом случае надо, да.

– Не перебивай! – обозлился Ри. – Смотрим США. После этого – анализ по глобализации, экономическая ситуация в мире, статистика по...

– Мы просидим тут год, – мрачно возразил Ит. – Кое-кто обещал жене, что мы сюда – на месяц. Ри, хватит. Чего ты взъерепенился?

– Того, что когда при мне из людей делают такое вот стадо, причем по всему миру...

– Остыньте, мужики, – скривился Ит. – Ну зачем вы орете? Брид, что ты хотел сказать?

– Я хотел сказать, что мы смотрели и студентов, и здание. – Брид и Тринадцатый взобрались на стол и по-турецки уселись рядышком. – Как я уже говорил, они все имеют примерно одинаковую интенсивность аур. У пары преподавателей ауры чуть сильнее – но когда Кир влез в базу универа, он обнаружил, что у них, оказывается, серьезные карьерные проблемы.

– То есть, если хочешь продвинуться, будь дебилом, что ли? – нахмурился Скрипач.

– Именно, – подтвердил Тринадцатый. – Мало того. Студентов даже с очень небольшими задатками тут же отчисляют. Словно... словно кто-то отслеживает этот процесс и гасит любые колебания, способные стронуть с места это болото.

– И еще один момент. – Брид повернулся к Фэбу. – Может быть, ты заметил...

– Слепые? – спросил Фэб.

– Да, – кивнул Брид. – Твоя аудитория – у них ведь очень странная вера. Например – они не верят в множественность миров, несмотря на то, что тут имеется Транспортная сеть и сеть Ойтмана. Они в нее все равно не верят, даже несмотря на то, что ты, их лектор, – рауф. Им словно участок в мозгу заклеили, и они в результате верят, что...

– Они верят в то, что они правы, – подсказал Тринадцатый.

– Чушь какая-то, малыш, – пожал плечами Кир. – Нелогично.

– Очень даже логично. И я тысячу раз просил не называть меня «малыш», меня бесит это слово! – Тринадцатый треснул по столу кулаком.

– Ну ладно, ладно. – Кир примирительно хлопнул Тринадцатого по спине, да так, что тот едва не свалился со стола. – Уймись.

– Что делать будем? – спросил Ит.

– А что ты предлагаешь?.. Володя подъедет, он же обещал машины, ну и... – Ри задумался. – Мелкие, а что вы скажете про этого Володю и остальных?

– Хм, – Тринадцатый почесал в затылке. – Скажем, пожалуй. Они частично привязаны к другому эгрегору. Любят этот, а привязаны к другому. Поэтому и не разучились думать своими головами и адекватно соображать.

– Ясно. Эмигранты, значит. – Ри зажмурился. – У меня все равно что-то не складывается, – пожаловался он. – Не получается.

Фэб сидел молча, полуприкрыв глаза. Ит знал – до срока Фэб в разговор не вмешается. Или, что тоже вероятно, вообще не вмешается. Бойтся? Вполне может быть. Хотя... как знать.

Кир продолжал возмущаться колпаками для курильщиков, Ри, перебивая его, твердил о каких-то сравнениях, Скрипач вытащил шагомер и сейчас пытался прикрепить его к штанине... И тут Фэб вдруг открыл глаза и произнес:

– Ит, скажи, что еще, кроме запаха крыс, было в том месте, где вы купили накладки?

– Девушка, которая читала стихи, – напомнил Ит.

– А еще?

– Мужик, который нам продал...

– Что еще? – требовательно произнес Фэб.

Ит задумался.

– Песня, которую там пели хором подростки.

– Какая?

– «Ключ». Дима сказал, что они поют эту песню сорок лет.

– Спасибо. – Фэб кивнул. – Дорогие мои, вам не приходит в голову, что... что это несколько неправильно?

– Что именно?

– Что за последние сорок лет тут не появилось ни одной песни, которую можно петь хором? По собственной воле, конечно? Что это может значить? Где люди, которые пишут такие песни, что с ними стало?

Ит удивленно посмотрел на Фэба. Тот сидел нахмурившись и смотрел перед собой. Потом сказал:

– Ри, не надо проверять глобализацию. Я тебя прошу, проверь искусство. Пожалуйста.

– Одно другому не мешает, – пожал плечами тот. – Проверю. Но ты не прав, Фэб. Девушка же читала стихи, да?

– Девушка – стихийная странная, такие обычно большой популярностью не пользуются, это ниша, причем ниша маленькая, – возразил Фэб. – Должны быть другие стихийные. Организующие. Их нет. А они должны быть. Они есть в любом мире, как положительные, так и отрицательные. Из тех, что на двух аккордах тебе всю вселенную сыграют. Из тех, кто способны стать Аарн. Из тех, которые могут уйти в Контроль. Где они, Ри? Где они?..

– Скорее всего, мы их просто еще не видели, – успокаивающе ответил тот.

– Не видели? – повторил Фэб. – Тогда почему тут до сих пор поют песни сорокалетней давности, ты не думал?

Ри почесал переносицу, нахмурился.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он.

– Пока не знаю. – Фэб откинулся на спинку кресла, в котором сидел, скрестил руки на груди. – Пока я могу только констатировать, что происходящее тут не вписывается ни в одну из известных мне схем. Надо смотреть дальше.

– Значит, будем смотреть, – пожал плечами Ит. – Хотя, признаться, мне уже сейчас тошно от того, что я вижу...

– Ладно. – Ри выпрямился. – Теперь давайте по точкам мета-портала пробежимся...

Они сидели в гостиной, расположившись кто где, вокруг большого прямоугольного стола. Кир и Фэб подтащили к этому столу пару низких кресел – на стульях им было не очень комфортно – Мотыльки сидели по центру, Брид снова что-то рассказывал, размахивая руками.

Ит исподтишка разглядывал их всех и думал – да, очень разношерстная у нас получилась команда, очень мы все разные, но движет нами все-таки одно. Хорошо, что это одно у нас есть... Ведь по идее это должно со стороны выглядеть нелепо и даже смешно, наверное, – тот же Кир ростом два двадцать рядом с Бридом ростом семьдесят, а почему-то не выглядит, словно это не имеет значения. Вон они как друг на друга орут, любо-дорого смотреть. И Кэсу спасибо, большому старому дракону – голоса у Мотыльков росту не соответствуют, по идее они при такой длине связок должны были бы чирикать, как птички, а говорят они нормальными голосами, никаких искажений. Как он это сделал? Фэб знает, кстати. Они тогда с Кэсом вместе занимались Мотыльками... на каком-то этапе занимались, уж больно интересной оказалась задача, и рауф, конечно, не отказался от такого заманчивого предложения.

– ...А в здании есть четко читаемая точка возмущения! – Тринадцатый стоял посреди стола, уперев руки в бока, и раздраженно постукивал ногой. – И я тебе, гений, вот что скажу – я буду не я, если эту точку не увижу. Своими глазами.

– Ну, в таком случае разделимся, – пожал плечами Ри. – Трое суток сейчас планируем на тесты, потом – половина команды в США, вторая половина остается здесь и смотрит... то, что вы нарыли.

– Как делимся? – Скрипач повернулся к Ри.

– Тут остаются Фэб, Ит и оба мелких...

– Сам ты мелкий, – раздраженно отозвался Брид.

– Заткнись. В Штаты, соответственно, иду я, Кир, Скрипач...

– Вот спасибо, – сардонически усмехнулся тот.

– Всегда пожалуйста, но ты, дорогой мой, агент, а мы с Киrom не сумеем залезть туда, куда сумеешь ты.

– Это да, – покивал Скрипач с явной издевкой. – Нажрали жопы, а потом начинается – рыжий то, рыжий се. Ну да ладно. Ит, ты как на это все смотришь?

– Если надо, значит, делаем, – пожал плечами тот. – Я как раз за эти трое суток составлю вторую часть по тестированию. У нас получается экспресс, и, честно говоря, мне не очень нравится это...

– А что делать? – Ри вздохнул. – У нас нет времени на что-то серьезное.

– Выборка, – подсказал Фэб. – Будет слишком маленькая выборка.

– И что ты предлагаешь? – Ри нахмурился. – Засесть тут на год, чтобы сделать полную?

– Так тебе Официалка и даст делать полную, – скривился Скрипач. – Странно, что они до сих пор не проявились. На их месте я бы уже заинтересовался нашими экзерсисами.

– Экзерсисов пока что не было, – возразил Ит. – Наша прогулка по городу не в счет.

– Ох... – Кир задумался. – Тот мужик в кафе... Парни, а вы не думали, что он может быть...

– Спокойно. – Ит улыбнулся. – Во-первых, мы не скрываемся. Во-вторых, официалам отлично известно, что мы прошли таможенно. В-третьих, нас сейчас трогать побоятся, Окист все-таки часть конгломерата, с которым они не хотят конфликтовать, и мне кажется, что официалов нам бояться не нужно. И, в-четвертых, тот Дима из кафе слишком прям и недалек, чтобы быть агентом. Он тут же проболтался, что работал на Терре-ноль, в Дерне. Знай он, кто мы такие, он бы начал играть совсем иначе.

– А мне все равно не по себе. – Кир отвернулся. – Словно какая-то дрянь... В воздухе какая-то дрянь, предчувствие, что ли. Не понимаю.

– Учись свои пророчества хоть как-то читать, – попросил Скрипач. – А то ты словно бабка-гадалка. Чего-то кажется, а чего – непонятно.

– Я пробую. – Кир виновато посмотрел на него. – Но сам видишь, пока что не очень.

– В общем, примерно ясно, – подытожил Ри. – Теперь – конкретика. Ит, первый блок вопросов, пожалуйста...

* * *

В институте было действительно тягостно, с этим согласились все, и отправляться туда снова никому, конечно, не хотелось.

Во-первых, «дети», то есть студенты, при ближайшем знакомстве оказались существами более чем странными. Причем в плохом смысле. Вроде бы умненькие (не умные, а именно умненькие). Вроде бы чистенькие. Вроде бы доброжелательные. Правильные. Рациональные. На первый взгляд.

Вот только от них тошнило.

Потому что обе стороны жизни этих «детей» были представлены в университете в полном объеме.

Скрипач, первый раз отлучившийся в туалет, вернулся оттуда красный как рак и сказал, что, пожалуй, воздержится от посещения сего заведения до... до дома, по всей видимости. На резонный вопрос Ри «почему?» Скрипач покраснел еще больше и ответил, что перевидал он, конечно, многое и сам далеко не монах-постник, но вот такое он видит в первый раз жизни и, даст бог, в последний.

Ри пожал плечами и отправился на разведку. Вернулся он таким же красным, как Скрипач, но в ответ на все вопросы промолчал. Впрочем, все остальные вскоре сами ознакомились с «проблемой» – и тихо выпали в осадок.

В туалетах, во всех без исключения туалетах немаленького здания... делалась любовь. Причем кабинки с хиленькими задвижками доставались далеко не всем парочкам...

– Как кролики, – с отвращением сказал Скрипач. – Причем девки парней еще и торопят – быстрее, мол, на пару опоздаем! Господи, какая гадость...

Причины «гадости», однако, выяснились днем позже.

И причины эти были, увы, более чем серьезными.

Квартиры в Москве давали только семейным. Остальные – если молодые – или жили с родителями, или ютились в общежитиях, друг у друга на головах. Для того чтобы получить жилье, следовало прийти в ЗАГС и предъявить московские документы, свидетельство о совершеннолетии и девушку-невесту, причем на хорошем сроке беременности. Тогда предоставлялся первый кредит, квартира и давалось разрешение на вступление в брак.

И только так.

И никак иначе.

В результате студенты первых курсов, едва поступив, начинали первым делом «строить отношения», то есть спешно обзаводиться парой – кому охота жить в квартире родителей, где в детской (площадь которой варьировала от шести до девяти метров) своего пространства –

местечко на двухэтажной кровати да угол подоконника? Быть взрослым куда как лучше, особенно в первые годы, когда свои дети еще маленькие.

Почти все квартиры в городе (как потом выяснилось, не только в этом) были устроены по одному и тому же принципу. «Взрослая» комната, совмещенная с кухней и душевой, площадью побольше, и «детская», площадью поменьше, – в нее обычно ставили двухъярусные пластиковые кровати и «развивающие комплексы». Никаких излишеств, даже домашней еды – в маркетах, коих тут было бесчисленное множество, продавались только полуфабрикаты для разогрева. Еще можно было поесть в кафе, но это могли себе позволить далеко не все – дорого.

Те же пирожки с компотом, которые Ит и Скрипач ели во время первой прогулки, оказались... мало кому доступным лакомством.

Еще одним днем позже Скрипач набрел на магазин с едой и вернулся оттуда, неся объемистую бумажную сумку, в которой лежали «пищевые коробки». Еда, против ожидания, оказалась вполне сносной, но инструкция на коробке снова повергла в шок.

«После употребления пищи контейнер следует ополоснуть теплой водой, сложить по направляющим линиям, упаковать и сдать на переработку. Несъеденную пищу не хранить! Вы можете смыть остатки в канализацию, затем ополоснуть контейнер, сложить по направляющим и сдать на переработку».

– С одной стороны, это даже рационально. – Фэб с интересом разглядывал коробку. – С другой – пространства для маневра не остается вовсе. Рыжий, купить можно... вот только это?

– Ага. Не, я не скажу, что все так плохо, в том магазине этой еды была тьма-тьмушая, самых разных видов, и детские порции, и взрослые, и совсем для малышей прикольные штуки, но... мне это почему-то все не нравится. – Скрипач, кажется, и в самом деле был опечален. – Если, например, я не люблю гречку с мясом, а хочу ее с жареным луком, да? Или вот Ит, который любит издеваться над сгущенкой и лить в нее ореховый сироп... сгущенки тут, кстати, нет. И тушенки тоже.

– А жаль, – заметил Ит. – Признаться, когда мы сюда ехали, я очень рассчитывал на макароны с тушенкой. Что это за Русский Сонм без макарон с тушенкой, а?

– Действительно, безобразие, – согласно покивал Кир. – Слов нет.

Слов, впрочем, не было и тогда, когда отправились вместе с Володей забирать из проката обещанные машины.

Пластиковые...

– Корпуса одноразовые, – рассказывал Володя. – Если покорябаете, то деталь можно заменить. Базовая часть, рама и движок не меняются.

– И как на этом вот ехать с нормальной скоростью? – прищурился Кир. – Ее же с дороги сдует.

– Нет-нет! – запротестовал Володя. – Там утяжелитель, дорогу они хорошо держат.

– Еще не хватает гироскопа, чтобы это все ездило на двух колесах, – пробормотал Ит.

– Дорого. – Володя явно не понял шутки. – Дешевле ставить еще два колеса.

Ит беззвучно застонал сквозь стиснутые зубы.

– «Люся», – одобрительно проговорил Скрипач, похлопывая по короткому крылу ближайшую зеленую машинку. – Вол, а как модель называется?

– Вот эта – «микра», а вот эти две – «маус»...

– На американский манер, значит? – серьезно спросил Кир.

– Так модели американские, – пояснил Володя. – Делают, правда, в...

– Видимо, в Китае, – подсказал Ри.

Володя кивнул.

– Глобализация в действии, – покивал Ри. – Так, теперь показывай, как на этом ездят.

* * *

Следующие двое суток занимались, по словам Скрипача, ерундой. Ит засел составлять экспресс-тесты, Ри и Фэб пропадали в университете, Скрипач принялся возиться с машинами, а Кир с Мотыльками от нечего делать просто бродили по окрестностям. Вернее, бродил Кир – оба Мотылька сидели в рюкзаке у него за спиной и сканировали окружающее пространство и людей, стремясь обнаружить хоть каких-нибудь «странных» и тем самым опровергнуть утверждение Фэба.

Опровергнуть, впрочем, им ничего так и не удалось.

Фон везде, куда они ни шли, оставался таким же – ровным и однородным.

Ит параллельно с тестами успел немного почитать про академика Макеева и пришел к выводу, что человеком тот был на редкость неприятным. Бывает так – вроде бы некто совершает правильные поступки и говорит правильные вещи, но все равно от действий его остается гаденький осадок... И ведь совершенно непонятно, в чем дело! Например, в одной из статей о Макееве утверждалось, что тот потратил несколько лет жизни на создание теории о восстановлении генофонда нации. О том, как он продвигал идею о славянских корнях, о равноправии, о духовности, о нравственной чистоте (зомби, тут же вспомнил Ит, отряды ЗОМБ, надо будет потом тоже глянуть). Ведь все верно! Совершенно верно! И то, что отношения между людьми должны строиться на чистоте и доверии, и о том, что следует соблюдать обычаи, и о том, что надо уважать предков, и о том, что душа – превыше всего...

Но – что-то было не так в этом материале, что-то царапало, как камешек, попавший в ботинок.

Вечером, в день перед отъездом, все собрались вместе – обсудить, что следует делать дальше. Говорил преимущественно Ри, его выслушали, согласились. Потом Скрипач притащил чаю и по коробке еды для каждого, объявив, что пришла пора ужинать.

– Так что ты хотел сказать? – Фэб отодвинул пустую коробочку из-под еды и с интересом посмотрел на Ита.

– Почитал тут немного о Макееве. И что-то мне это все не очень нравится. – Ит дернул плечом. – Он, например, пишет об опасности экспансии. И предлагает противопоставить ей рождаемость. Что, собственно, мы сейчас и наблюдаем.

– А ну-ка, – Фэб оживился. – Ит, рыжий, вопрос на засыпку – почему невозможно противопоставить рождаемость экспансии?

– Экзаменатор выискался, – недовольно скривился Скрипач. – Я тебе чего, слон, чтобы все помнить?

– Подожди, – остановил его Ит. – Оденвуд, да? Это, по-моему, был Оденвуд, а работа называлась...

– Работа называлась «Варианты преодоления кризисов и прохождение точек напряжения в мирах второго и третьего уровня», – подсказал Фэб. – Все совершенно верно.

– Польсти ему, польсти, – хихикнул Кир. – Может, хоть одну майку вернет...

– Кир, не влезай, – попросил Ит. – Да, верно. Насколько помню, Оденвуд писал о том, что рождаемостью с экспансией ничего сделать нельзя, потому что одной рождаемости недостаточно – нужна техническая и образовательная базы, которые, вопреки общему мнению, на такой скорости до таких масштабов увеличить просто не получится. И в результате...

– В результате те, кто проводят экспансию, просто получают больше рабов, – припечатал Фэб. – Безмозглое существо поработить легче. Значительно легче, надо заметить. Это... это как с вашим курением, и не смотри на меня так, Кир. Решение что-то делать или не делать обязано быть осознанным, а не привитым и не насильственным. И мало того, что осознанным – в нем должна отсутствовать агрессия...

– Все, понесло, – вздохнул Ри, меланхолично складывая коробочку из-под мясного рагу. – Добро пожаловать на триста пятьдесят лет назад, в золотую юность, или почувствуй себя идиотом.

– Ри, я могу замолчать. – Фэб тут же опустил голову. – Прости, что начал. Больше не буду.

– Все нормально, – тут же ответил Ри.

– Нет, не нормально, – возразил Фэб. – Мне действительно трудно то, что я...

Он не договорил.

Ри обреченно вздохнул.

Фэб так и не сумел привыкнуть, как показывала практика. К тому, что он снова молод. К тому, что семья настолько сильно выросла. К тому, что уединения, которого он в старости старался придерживаться, больше нет. К тому, что Ит и Скрипач стали старше, чем он, и намного.

Он до сих пор был в растерянности, хотя и научился эту растерянность скрывать. Дома, на Окисте, он два-три раза в декаду летал к отцу Анатолию – за советами и помощью. Первый год тот был немного смущен, но потом проникся и сообразил, что этот странный рауф действительно отчаянно нуждается в поддержке. Просто потому, что произошедшее с ним выбило у него из-под ног почву и он не представлял, как вести себя дальше и что делать.

Вот и сейчас... Ри с досадой крякнул и отвернулся – ну кто, спрашивается, тянул его за язык? Зачем было ерничать, если этот идиот все воспринимает всерьез, и ты, придурок, прекрасно об этом осведомлен? Молчать надо было! Молчать и кивать. Да, Фэб все еще в подвешенном состоянии, но у него богатейший опыт, и он очень умный. Ри вспомнил, что в свое время тоже читал что-то из работ Оденвуда – специалиста по взаимоотношениям эгрегориальных групп миров второго-четвертого уровней – и сообразил, что Фэб-то был прав, ох и прав, и зря они не рассматривают то, что происходит тут, с этой позиции...

– Ри, ну вот на кой? – вывел его из минутного ступора голос Ита. Голос, в котором звучала явная досада и разочарование.

Ри обернулся – Фэба за столом, конечно, уже не было, а Ит смотрел на него с упреком и горечью.

– Зачем? – повторил он. – Для чего нужно было его лишний раз дергать, а? Блин, гений, его не жалеешь, так хоть нас пожалей, что ли... он же дело говорил.

– Сам вижу, что дело. – Ри покачал головой. – Ит, прости. Я дурак.

– Ты не дурак, просто у тебя склероз. Поосторожнее, хорошо? – попросил Ит. Ри согласно кивнул. – Пойду попробую расспросить еще. Я, признаться, работы Оденвуда как-то не очень помню. Мы такими масштабными проектами никогда не занимались.

– Занимались, – возразил Ри. – Твой проект по Сонму...

– Он совершенно иной, ты чего. Ладно. Подожди тут, скоро вернусь.

Ит прошел в комнату, которую занимали Фэб и Кир.

Свет был выключен. Фэб сидел на краешке кровати и безучастно смотрел в окно.

– Извини, – тихо сказал Ит. – Он просто не подумал.

– Ничего, – слабо улыбнулся Фэб. – Собственно, я хотел сказать только одно. Чему сейчас противопоставляется эта рождаемость, если никакой экспансии нет?..

* * *

Ит с Фэбом и оба Мотылька хотели, конечно, поехать провожать, но Ри не позволил – потеряете полдня, лучше займитесь чем-нибудь полезным. Фэб подумал и согласился. Действительно, какой смысл стоять четыре часа в пробках, когда за это время можно сделать что-то нужное и полезное? Утром наскоро позавтракали, потом подъехали Володя и Олег, которые тоже летели, и к полудню Ит, Фэб, Тринадцатый и Брид остались вчетвером.

– Чем займемся? – спросил Брид первым делом, когда дверь захлопнулась. – В город?
– А надо? Мы вроде бы хотели поработать, – резонно возразил Фэб. – Ит, что скажешь?
– Можно и в город. – Ит задумался. – В универ нам с тобой завтра и послезавтра, так? – Фэб кивнул. – С тестами я почти закончил.

– Я тоже. Собственно, мне остался заключительный блок – хочу пощупать начало «закладки», и еще мне нужно посмотреть образовательные программы, а это вполне можно сделать вечером...

– В общем, в город. – Тринадцатый решительно встал. – Бридище, собирайся и пошли.

– Поехали, – поправил Брид недовольно. – Опять в рюкзак.

Мотыльков, увы, приходилось носить, не афишируя их присутствия – для этого мира существами они были более чем экзотическими, а читать каждому заинтересовавшемуся получасовую лекцию, откуда они такие взялись, не хотелось никому. Нет, из рюкзака их в городе, конечно, выпускали – но только там, где народу практически не было... впрочем, в Москве Апреля такие места встречались исключительно редко. Рюкзак в этот раз покупал хозяйственный Скрипач, поэтому модель была достаточно удачной – рюкзак попался просторный, с дополнительными клапанами и из натуральной ткани, но Брид и Тринадцатый все равно ворчали: тесно, душно, неудобно, надоело и так далее. Ри в ответ тоже ворчал, что, мол, эмпатическая команда за три года на Окисте безобразно распустилась и что на Терре-ноль сидели оба в хозяйственной авоське как милые и не чирикали. Мотыльки возражали, что это не они распустились, а он обленился, а вместо того, чтобы ворчать, мог бы придумать что-нибудь. Ри в ответ во время последнего спора выдал, что купит в Америке собачью переноску и засадит туда обоих... после чего Тринадцатый вздумал обидеться всерьез, и Брид его потом полчаса утешал.

– Я понесу, – вызвался Ит. – Слушайте, а хотите, съездим в тот клуб, где мы были? Если там мало народу, то и вам прогуляться можно будет.

Тринадцатый и Брид переглянулись.

– Мы – за, – решительно ответил Брид. – Заодно и молодежь посмотрим... радикально настроенную.

– Я тоже за, – поддержал Фэб. – Может быть, там будет эта девочка, которая читала стихи.

– Отлично. – Ит улыбнулся. – Мелкие, давайте в рюкзак. И очень вас прошу, не устраивайте там махач, как в прошлый раз. У меня спина не железная.

– Фигня, дополнительный массаж, – отмахнулся Брид. – Твоей спине это только на пользу.

* * *

Ветки, против ожидания, в клубе не оказалось, да и вообще народу было немного. В дальнем, самом темном углу тренькала гитара; около окошка пили кофе с молоком две совсем маленькие девчонки, лет по тринадцать максимум, а у входа с испуганным видом стоял и озираялся подросток, который, видимо, слабо понимал, куда пришел.

Парень, выдававший временные карточки, с большим интересом разглядывал Фэба, но от вопросов воздержался (Ит ему мысленно заплодировал), и вскоре они уже сидели за свободным столиком у стены.

– Ит, открой, – донесся из рюкзака приглушенный голос Брида. – Тут полтора человека. Имей совесть.

– Сейчас. – Ит еще раз на всякий случай осмотрелся. – Только давайте все-таки не высывайтесь особо, хорошо?

– Не будем, – пообещал Тринадцатый. – Ты откроешь, блин?!

– Уже.

Мотыльки и впрямь не собирались устраивать из своего пребывания в заведении шоу – они тут же сели на край стола так, что Фэб их перекрыл от большей части зала. Ит вздохнул. Да, сказывается многолетняя практика. Прикинул со стороны – почти не видно, а если что, или глаза отведут (сам учил), или просто пересядут к Фэбу на колени. А Фэб большой, к нему не полезут...

– Ит, я вот думаю, – осторожно начал Фэб, – насчет того, о чем мы говорили с полгода назад. Помнишь?

– А?.. Нет, – покачал головой Ит. – Ты о чем?

– Пока что о том, что надо определяться с тем, что делать дальше, – пояснил Фэб. – То, что ты пишешь, это хорошо, конечно, но...

– Но – что? – не понял Ит. – О чем ты вообще?

– Нет конкретики, – объяснил Фэб. – Если взять Берту и Ри, с ними все понятно. Они заняты той же темой, которую вели последние... ну, скажем, сто лет.

– Больше, – поправил Ит.

– Хорошо, больше, – тут же согласился Фэб. – А вы? Вы трое?

– Ты имеешь в виду Кира, Скрипача и меня?

– Ну да.

– Фэб, Атон тогда сказал, что мы...

– Я о другом, – Фэб оглянулся. – А где тут берут чай? Приносят?

– Нет, надо самим наливать. Сейчас, подожди минуту.

Ит сходил за чаем, прихватив по дороге вазочку с сухим печеньем. Он уже понял, к чему ведет разговор Фэб – именно поэтому ему не очень хотелось идти обратно, надо признать.

– Так вот, Атон, если ты помнишь, говорил о наших функциях, – продолжил Фэб. – Но для того, чтобы осуществлять какие-то функции, надо совершать какие-то действия. А вы трое...

– Что мы трое? – нахмурился Ит.

– Вы зависли, – подсказал Тринадцатый. – Застопорились. С вами получается то же самое сейчас, что было с гением на Терре-ноль. Следующим этапом можно запить на пару лет и перестать мыться. Очень органично впишется в образ.

– Это не так, – тут же возразил Ит. – Мы работаем, мы тренируемся, мы...

– Ит, согласишься с тем, что ни ты, ни рыжий уже никогда по доброй воле не будете работать так же, как это было... в Официальной. Вы никогда не станете агентами. Или аналитиками – такого рода, который...

– Подожди, – попросил Ит. – К чему ты сейчас это говоришь?

– Только к тому, чтобы вы подумали. Решили для себя что-то.

– Не знаю. – Ит помрачнел. – Мне кажется, мы, наоборот, делаем все, что от нас зависит.

– Это не так, – возразил Фэб. – Не обманывай себя.

– И не думал. – Ит выпрямился. – Например, сейчас...

– Сейчас мы сидим тут и делаем вид, что пробуем в чем-то разобраться, – печально ответил Фэб. – Именно делаем вид, потому что разобраться ни с чем не получается.

Ит промолчал. Следовало признать, что Фэб и в самом деле прав – у них действительно ничего не получается.

Есть мир, так? В нем идет какой-то процесс, так? И в этот мир пришли мы... и сидим, и с оханьем и аханьем говорим друг другу одно и то же: «Что за ерунда?» – при этом не понимая ни сути процесса, ни его цели, ни его истока.

– Вот в этом ты прав, – мрачно подтвердил Ит.

– Я не хотел тебя расстроить. – Фэб улыбнулся. – Прости, если так вышло.

– Да все нормально, – по привычке успокоил его Ит, хотя понимал, что нормального тут мало. – Ладно... Слушай, смотри, какая интересная компания в углу.

Фэб потихоньку обернулся.

– Да, действительно, – подтвердил он с удивлением. – Странно, что мы их сразу не заметили.

– Видимо, заговорились и пропустили, как они вошли.

В стороне, у противоположной стены, расположилась на редкость живописная парочка – двое мужчин средних лет, одетых, мягко сказать, нетривиально. Во-первых, джинсы на них были грязными, словно их владельцы не ходили по чистейшим городским улицам, а провели неделю как минимум где-то в поле или в лесу. Во-вторых, их весьма потасканные куртки изобиловали карманами, тут же напомнимшими Иту Терру-ноль и снаряжение водителей БЛЗ. В-третьих, на лбу у каждого имелись очки, похожие на те, что носят летчики, но через несколько секунд и Фэб, и Ит заметили, что в очки эти встроены какие-то датчики. В-четвертых, у каждого в ногах валялось по весьма потасканному рюкзаку, тоже не первой свежести. И в рюкзаках, судя по их очертаниям, было что-то довольно тяжелое... и железное. Незнакомцы торопливо пили явно очень горячий чай и все время посматривали на дверь, словно кого-то ждали.

– Ого, – с уважением заметил Брид, исподтишка тоже рассматривающий компанию. – Кто это такие, интересно?

В общий зал вошел давешний знакомец Ита и Скрипача, Дима. Огляделся, и тут же направился к столику, за которым сидели мужчины.

– А зачем... – начал было Тринадцатый, но Фэб на него шикнул – не мешай слушать.

– ...дерьмо, а не тепловизор, – донесся до них раздраженный голос мужчины помоложе. – Джим, ты издеваться вздумал?

– Сил, да ты что, в мыслях не было! – горячо возражал тот. – Бракованный, видать, попался. Без вопросов, сделаю. Клим, что вам еще понадобится?

– Сейчас – только по мелочи, а вот к ночи надо будет кое-что достать. Магнитометр нарыть сумеешь?

– А где тот, который неделю назад...

– Утоп, – емко сообщил второй мужчина, светловолосый, которого Дима назвал Климом. – Сорвался, сука, в люк и утоп. Не поймали.

– Жалко. Ладно, попробую... Я тут блок принес настроечный, надо?

– Надо, да денег нет, – поморщился темноволосый. – И цапек в этот раз не добыли никаких. Так что пока со старым.

– Вы, значит, к ночи обратно, – попытожил Дима. – А следующий раз...

– Примерно через неделю. – Светловолосый поднялся, темноволосый тоже. – Кое-что наклеивается, посмотрим, чего выйдет. Ветуське привет от нас передавай.

– Ага, хорошо, – покивал Дима. – Удачи, ребятки.

– И тебя туда же, – мрачно усмехнулся светловолосый. – Все, бывай.

Они подхватили рюкзаки и вышли. Ит с уважением посмотрел им вслед. Фэб вопрошающе посмотрел на Ита. Мотыльки с ожиданием уставились на Фэба.

– Вот примерно об этом я и говорил, – подвел неутешительный итог Фэб.

– Лучше бы ты молчал, – горько ответил Ит.

* * *

– Это – спирит-хантеры. – Дима сидел, облокотившись о столешницу, и курил. – Клим и Сил. Они не то чтобы уж совсем вне закона, но с законом так... не в ладах. Закону удобнее делать вид, что у нас ни спиритов, ни спирит-хантеров, соответственно, нет. Бог на небе, черт в аду, все как положено. Остальное – ересь и бабьи выдумки. Вот только ни хрена это не выдумки, а ребята реально ловят... ну, чаще, конечно, не ловят, а гоняют. Действительно гоняют. И еще как.

Фэб молча сидел напротив и внимательно слушал – Ит заметил, что Фэб очень старательно терпит то, что Дима курит. Сам он пока что воздерживался, но чувствовал, что это ненадолго – атмосфера кухни очень к сигарете располагала. Оба Мотылька уже чихали вовсю, но тоже терпели. К чести Димы следует сказать, что Мотыльков он принял сразу, поздоровался с каждым за руку, пробормотал «прикольные какие» и этими ограничился.

– Неужели правда? – спросил Ит с интересом, а еще с тем, чтобы подзадорить Диму на продолжение рассказа.

– Правда. Сам видел. – Дима хмыкнул.

– И как это выглядело? – вежливо поинтересовался Фэб.

– Выглядело? А никак, – пожал плечами Дима. – Это ж дух, его же не видно. Но ощущение – мама не горюй! Страшно очень. Словно... словно тьма сгущается, понимаете?

– Не очень, – признался Ит.

Не очень? Ну-ну. Особенно если вспомнить работу на Соде.

– Понимаешь, это как молоко. Только оно или серое, или вообще черное, – Дима задумался. – И просто вот страх, ну со всех сторон, накатывает. Волнами. Как будто ты в черной воде стоишь, а ее все больше и больше.

– Понятно, – кивнул Фэб. – И где это чаще всего случается?

– Да много где, – пожал плечами Дима. Потушил окурок в переполненной пепельнице (Фэб все-таки непроизвольно поморщился), закурил новую сигарету. – Хотя ребята последний год... – он замаялся. – В общем, они сейчас по квартирам почти не ловят. Шарятся под городом, что-то там ищут. А что, не говорят. Вернее, Сил сказал, что как найдут – расскажут, а пока чтобы не пытали их, не вмешивались.

– Что-то конкретное? – осторожно спросил Фэб.

– Пес их знает. – Дима вытащил свой неизменный пакет и поставил рядом с собой на стол. – Слушайте, не в службу, а в дружбу. Вы вроде нормальные, хоть и рауф. Может, сделаете доброе дело?

– Про нормальность можно поспорить, а дело – смотря какое. – Ит с интересом посмотрел на пакет. – Ну?

– Ветка приболела, надо жрачку ей отвезти. Я сам хотел, но, видишь, ребята к ночи должны вернуться, упускать заказ не хочу.

– Понятно. Они хоть платят?

– Платят... иногда задерживают, правда, но платят. Так вот, надо к ней съездить и пакет этот передать. Она звонила, сказала, что не выходила даже. Сидит дома голодная.

– Вопросов нет, съездим. – Ит встал. Фэб тоже – на лице его читалось явное облегчение, ему очень хотелось поскорее убраться с прокуренной кухни. – Куда?

– Да тут близко, она в Центре живет. На Автозаводской. Вы только того, на лестнице поосторожнее.

– В смысле? – не понял Фэб.

– Там общежитие, – пояснил Дима. – Сами понимаете, что на лестницах творится.

– Ясно. – Ит хмыкнул. – Давай адрес.

* * *

По вечернему времени народу в метро было сравнительно немного, по крайней мере, давки не наблюдалось. Доехали действительно быстро, с дороги позвонили Ветке, представились, объяснили, что Дима просил передать ей еду, спросили, когда удобнее подойти. Девушка, кажется, даже не удивилась – видимо, сидеть дома и болеть ей было не впервой, да и Дима посылал к ней гонцов тоже не первый раз.

– Пройдите до конца бульвара, потом поверните налево, вдоль дома, и заходите в арку. Еще раз налево, первый подъезд, четвертый этаж, – объяснила она. – Я заранее открою, чтобы вам не звонить.

...Лестница охала, ахала, стонала; где-то наверху женский голос кричал «Поддай, Серега!..», еще выше – ржали дурными голосами и подбадривали, поддавай, мол, чего фило-нишь; за тонкими дверями орали приемники визио и бодрый девичий голос сообщал что-то оптимистическое. Ит и Фэб переглянулись, Фэб осуждающе покачал головой.

– Как в этом можно жить? – спросил он недоуменно.

– Как-то можно, видимо. Человек ко всему привыкает. Жил же я в бараках, и... – Ит осекся, поморщился. – Поверь, там и не такое творилось. Ничего, терпели.

– Я тоже много что терпел, но это отвратительно. – Фэб чихнул. – Черт, тут снова курят! Сколько можно!..

Ит принялся.

– Они еще и пьют, – сообщил он.

– А можно побыстрее? – спросил из рюкзака недовольный голос Тринадцатого. – Дышать же нечем!

Ветка ждала их, стоя у хилой пластиковой двери. Рассеянно кивнула Иту, словно старому знакомому, с вялым интересом посмотрела на Фэба. Ей, видимо, действительно было нехорошо – даже в слабом свете энергосберегающей лампочки было заметно, что девушка бледна, а под глазами у нее синяки, словно она не спала всю ночь.

– Хотите чаю? – спросила она. – Вам же, наверное, долго ехать потом.

– Спасибо, не откажемся, – поблагодарил Ит. Фэб согласно кивнул. – Мы вас не стесним? Она слабо усмехнулась.

– Меня трудно стеснить. Вернее, почти невозможно.

Когда они вошли, сразу поняли, что стеснять, пожалуй, дальше некуда.

Квартира-студия, в которой жила девушка, была крошечной. Ит прикинул – комната меньше, чем была в их с рыжим однокомнатной квартире в высотке. Метров семь, ну семь с половиной. По одной стене – узенькая кровать, над которой нависают книжные полки, по другой – мойка, утлая душевая кабинка с перекошенной дверцей, раковина, чайник и микроволновка. Вместо кухонной мебели – хлипкие пластиковые ящики, прикрытые сверху клеенкой.

Но...

Да, действительно, в комнате у Ветки было чистенько. Занавеска на окне – свежая, клеенка протерта до блеска, на книгах ни пылинки, кровать аккуратно застелена.

– Садитесь, – пригласила она. Подошла к мойке, сняла чайник с подставки и включила воду. – Одну минуту...

Ит дернулся было помочь, но Фэб предостерегающе поднял руку – подожди, мол. Он внимательно смотрел на девушку, и Ит понял – смотрит не просто так, глаза Фэба сузились, взгляд стал напряженным, изучающим. Ветка поставила чайник на подставку, щелкнула кнопкой. Повернулась к ним.

– Простите, но... вам очень больно? – участливо спросил Фэб. – Если не хотите говорить, не надо, но я вижу. Поймите правильно, я врач, и...

– Больно. – Она пожала плечами. – Но терпеть можно.

– Конечно-конечно, – закивал Фэб. – Я понимаю. И давно у вас эта травма?

– С детства. – Ветка опустила глаза. – Я была совсем маленькой и ничего не помню. Мама говорила, что мне тогда было полтора года.

– Понятно. Простите, как вас зовут? – Фэб сидел на краешке кровати, немного сгорбившись, чинно сложив руки на коленях – понятно, старается визуально казаться меньше; девушка маленькая, он не хочет «давить», старается вызвать на диалог.

– Светлана... по документам. Не по документам – Ветка, – ответила она. – Сломанная Ветка, если в мировом списке.

– А меня зовут Фэб.

– Фэб, вас Джим прислал из-за того, что вы врач? – В ее голосе скользнула тень подозрения.

– Нет-нет, он не знает про это, – заверил Фэб. – Я просто... извините, я немного растерялся, когда увидел вас. Наверное, мне следовало смолчать. Но когда я сталкиваюсь с такой проблемой, у меня в голове что-то щелкает, и я срываюсь. – Он виновато улыбнулся и развел руками. – Простите, мы сейчас пойдем.

– Не нужно. – Она тоже улыбнулась, и тут Ит с большим удивлением понял, что она, во-первых, моложе, чем кажется, а во-вторых, красива – то есть будет красива, если добавить килограмм пятнадцать веса и вылечить изуродованную спину. – Тем более что чайник вскипел.

– Ладно, – легко согласился Фэб. – Чай – это всегда хорошо.

– Рауф любят чай? – с удивлением спросила она.

– Любят, – заверил Ит. – Лхус они, конечно, любят больше.

– Я читала, – кивнула она. – Но никогда не видела вот так, вблизи. То есть пару раз видела, но все-таки издали. И не мужчин. Средних.

– Здесь? – слегка опешил Фэб.

– Ну да, – кивнула она. – С месяц назад. А что?

– Интересно. – Фэб задумался. – Наверное, тоже по обмену.

– Мы преподавать приехали, – пояснил Ит. – Ну и заодно смотрим город, гуляем. Красивый город, – похвалил он. – Замечательный. Нам очень понравилось метро.

Она слабо поморщилась.

– Не люблю метро. Давка, духота. И... ощущение неприятное. Наверное, это не имеет значения...

– Ну почему же. – Фэб взял у нее из рук чашку с чаем. Огляделся – куда можно поставить? В результате чашка оказалась на подоконнике.

– Света, вы позволите посмотреть вашу спину? – попросил он.

– Честно говоря, я бы не хотела раздеваться, – она немного отстранилась. – Простите, но я не как эти... мимо которых вы шли на лестнице.

– Раздеваться не надо, я даже прикасаться не буду, – ответил Фэб. – Просто повернитесь ко мне спиной и полминуты постоит, хорошо?

Она не возражала – Ит подумал, что это в некотором роде тоже маркер. Они все, даже Ветка, все... словно не умеют удивляться. Удивляться, сопротивляться. Единственный, кто кажется нормальным – это Джим-Дима, но следует признать, что его они наблюдали пока что только в кафе. Вполне возможно, что в подобной ситуации он тоже повел бы себя... на грани адекватности.

Ведь недоверие к незнакомцам – это же нормально, не так ли?

Что-то словно царапало изнутри, что-то, что было сейчас в корне неправильно, нелогично, нелепо... Но тут Ит в растерянности понял, что не может осознать, что именно. Надо подумать. Подумать, осмыслить. Поговорить с Фэбом, в конце концов, и с Мотыльками. Наверное, они тоже чувствуют это.

– ...Единственное, что я сейчас могу сделать, это немного уменьшить боль, – вывел его из забытья голос Фэба. – И вам нужно обязательно пить противовоспалительные лекарства, понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.